

10 Dubna 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

78

10-го апреля 1931 г. 10-го квітня 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Ив. Томаревский*: Христос Воскресе! (Vstal z mrtvých)
2. *Константин Шариков*: * * * Стих. (Verše).
3. *И. М. Назаров*: Дед Бунтырь. (Děd Rebel).
4. *Петр Крюков*: * * * Стих. (Verše).
5. *Оксана Печеніг*: * * * Вірш. (Verše).
6. *Гарун Дальвен-Бей*: Сага. (Verše).
7. Христос Воскресе! (Vstal z mrtvých).

---

8. Ко всей казачьей эмиграции (K veškeré kozacké emigrace).
9. *Ш. Балинов*: К вопросу об иногороднем населении в Казачьих Краях. (K národní otazce v Kozáckých Zemich).
10. *П. Покотыло*: Неудачная осада турками Азова в 1641 г. (Nepodaeřné obleháni Azova Turkami v r. 1641).
11. *П. И. Кокунько*: Наше прошлое. (Naše minulé).
12. *П. Кудинов*: Восстание Верхне-Донцов в 1919 г. (Povstaní Vrchné-Doncov r. 1919).
13. *А. И. Литовкин*: Через прошлое к будущему. (Minulostí k budoucnu).
14. *В. Куртин*: А сила все растет, да растет... (A sila se vzmáha a vzmáha).
15. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
16. Поздравления с праздником Пасхи. (Velikonoční pozdravy).
17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
18. В Казакии. (V Kozakii).

Почтовый ящик.

Польша. — Ф. П. — Спасибо. Привет.

Болгария. — И. Т. — Получено. Почему не отвечаете на письмо? Привет.

Польша. — К. К. — Ответ будет позже. Привет.

Болгария — Т. Л. — Ответ — письмом. Привет.

Париж. — Е. Я. — Спасибо. Привет.

Югославия. — И. К. — Исполнено. Привет.

Болгария. — П. К. — Ответ — письмом. Привет.

Югославия. — Я. Н. — За присланное — спасибо. Привет.

Франция. — П. К. — Послано. Привет.

Брно. — В. К. — Получено. Привет.

Германия. — А. Т. — Послано. Привет.

Югославия. — Д. Б. — Получено. Привет.

Югославия. — А. Ч. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Франция. — И. С-к. — Получено. Спасибо. Привет.

Франция. — И. С. — „Как гибло...“ получено. Используем позже. Привет.

Польша. — А. Б. — Получено. Посылаю. Привет.

Германия. — А. С. — Пошлем, но дойдет ли — не знаем. Привет.

Шабац. — А. Б. — Исполнено. Привет.

Югославия. — Н. С. — Посылаем. Привет.

Франция. — С. — Исполнено. Привет.

Лион. — А. Л. — Получено. Исполнено. Привет.

Харбин. — И. К. — Получено. Полученный раньше материал — в редакционном портфеле. Привет.

Польша. — А. С. — Присланный Вами очерк получен; присылайте продолжение. Привет.

Югославия. — К. П. — Статьи полемического характера, „ответы“ и пр. можем помещать только за собственной подписью автора. Псевдонимы в таких случаях недопустимы. Привет.

Югославия. — И. И. — К большому сожалению, средств на „помощную акцию“ мы не имеем. Наоборот, мы бы хотели, чтобы казаки помогали своему политическому движению хотя бы тем, что исправно бы посылали подписную плату за журнал „В. К.“ Привет.

Болгария. — И. Т. — Большое спасибо за отказ от гонорара. Это — хотя и небольшая, но реальная помощь казака казачьему делу. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. **Алферов** — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо-Киро, 52.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 78 *Пятница, 10 апреля, 1931 — Пятниця, 10 квітня, 1931.* *№ 78*

Ив. Томаревский. (*Болгария*).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскресе! На чужбине
Страдальцы братья казаки!
Христос Воскрес! и в Казакии
Все наши те, кого-бы мы
Обнять по дружески должны.
Христос Воскресе! Край Родимый,
Казачья милая земля,
Кубань и Дон, и Терек чтимый,
Очаг домашний и любимый —
Станицы наши и поля!
Христос Воскресе! Мы из далей,
Как братья, поздравленья шлем,
А с ними вместе и лобзанья,
Забыв в День Светлый все страданья
Разлуки злой за рубежом!
Мы верим твердо в милость Бога,
Хоть нам и Родине пришлось
Изведать горя слишком много...
Но, ждать осталось уж немного —
Воскреснет Край, как сам Христос!

Константин Шариков.

(Югославия).

***

Журчит ручей
Среди степей.
Шуршит камыш;
Над гладью — тишь...

И неумолчно гудит, дрожит —
Звон колокольный ввысь летит.
В станице песни, гомон, лай....
Одно мгновение... и даль
Покрылась дымкой синевы.
О, чудный Край! Прости, прости...
То сновиденья ли мои?
Бред утомленной головы? —
Не все-ль равно! Мне дороги
Картины милой стороны.

И. М. Назаров. (*Княжевац*).

Дед Бунтырь.

В семи верстах от станицы К., в глухом придонском „займище“, окруженный большими, заросшими кугой озерами, лежит хутор Куликовка.

В разлив, Дон охватывает водой все займище и совершенно отрезывает Куликовку. Тогда она обращается в „Венецию“ и сообщается с соседями на баркасах.

Вероятно отчасти поэтому, что приходится „куликовать“ на маленьком островке, хутор так и назван. Тут всего десятка три дворов, но дворы как то особенно просторные, будто „захватывали“ их, не меряя земли, — широким жестом с размаха. Курени большие, хмурые, все больше старой постройки, из особого „старинного леса“.

Базы — широкие, с навесами, — сена у всех много. И все дворы без исключения обнесены „ровами“ с „загатой“. Улицы — три — без названий, все почему то узкие и кривые, — не от турок ли из Стамбула?!. Весной тут грязь „поколена“, ибо чернозем в аршин... И пьет он воду весной не хуже, чем казаки вино на осенних свадьбах...

В середине — площадь, на ней — маленькая, будто „подслеповатая“ церковь, а напротив старое, низкое и сумрачное Хуторское правленье.

Живут тут все казаки „подгребло“. Из „иногородних“ есть один старый „цыган“ Васютка; ни „хохлов“, ни „русаков“ — нету. „Они у нас не держутся“, говорил мне куликовский казак с улыбкой. „Чивой...то им тут... не очень“.

Из старых фамилий — три брата Владимировы: Дий и Капитон, старые офицеры. Старик Сережников с семьей: пять сыновей — „гвардейцы“; Хохлачевы; Раздоровы и старик Тимофей Розин, прозванный „Бунтырь.“ С этим Бунтырем я встретился давно, в 1900 году, когда был молодым офицером. После первой службы прибыл из 2-го полка и жил в К. „на льготе“ — дома.

Делать было нечего, как всегда на льготе, и я целыми днями „пропадал“ на охоте. В одну из таких охот, я попал в Куликовские озера, которые славились обилием дичи. Просидев в камышах вечернюю „зорю“,

убив двух отличных селезней и несколько „чирят“, я направился на ночлег в Куликовку.

Зашел в первый же на краю двор. От бросившегося на меня кабеля меня „отбила“ какая то, очень не плохая, „молодайка“...

— Вы чиво? спросила она меня с приветливой улыбкой.

— Ищу где бы переночевать...

— Ишь, вы какой! заметила она, сверкнув глазами. — Нет у нас места, потому что — одне бабы.

— Ну, так чтож?! сказал я шутливо. Я не разбойник!

— Не знаю, возразила она кокетливо. А все же нельзя, и все.

— Куды ж мне деваться? спросил я на „казачьем жаргоне“.

— Да уж я и не знаю, сказала она, пожимая плечами. — Ан нет, вот чиво, добавила она сейчас же игриво: Идите к деду Розину, у него курень большой и он любит военных. Тут через три дома — спросите деда Бунтыря, — все его знают...

Через три дома я спросил у какого то растрепаного, в гвардейском картузе парнишки: Тут живет дед Розин?

— Нет, прогундосил он. Тут живеть Бунтырь. И он указал на дом, двух-этажный, большой, с крыльцом, с громадным двором и большими „тесовыми“ воротами.

Я постучал в калитку. Как коза, подпрыгивая на ходу, из дома вышла молодая, красивая девушка, с улыбающимся лицом, в простом, но нарядном платьи. — Вы чиво? спросила она меня, открывая калитку.

— Тут живет дед Розин? спросил я в ответ в полумраке потухающего вечера, любуясь ее гибкой фигурой.

— Нет, ответила она, смеясь мне прямо в лицо с игривым лукавством. Тут живет дед Бунтырь, хотя он же и вахмистр Розин. Идите к нему на верхи... И она показала рукой на верхний этаж дома.

Я поднялся по высокой лестнице и вошел в большую, освещенную висячей лампой „горницу“. Тут была кровать, с целой горой пуховых подушек; шкаф с посудой; еще какой то шкаф; несколько венских стульев у стен и большой стол в углу — под „святыми“.

Я поставил ружье, бросил патронташ на стул и стал ждать хозяина.

Через несколько минут в комнату вошел среднего роста, широкоплечий, с красивой осанкой, лет за 50 старик. Усы и округлая борода с проседью. Лицо с резкими чертами, с едва заметными штрихами морщин. Нос чуть согнутый, в красивом профиле, и большие глаза, совершенно черные, будто с огоньками в глубине их, как у волка ночью.

— Вы ко мне?! спросил он, улыбаясь. Я дед Бунтырь, я же и вахмистр Розин.

— Позвольте мне переночевать у Вас, сказал я, представляясь и подавая руку.

— Что ж, оставайтесь, сказал он приветливо. Мы, старые казаки, гостям завсегда рады. Снимайте Вашу амуницию и будем вечерить.

— Ей, Маша! крикнул он затем через дверь, в другую комнату, скажи бабам, чтобы приготовили нам чиво-нибудь, да живо!

— Сычас, ответил веселый голос той, что меня встретила у калитки. Дверь хлопнула и она побежала.

— Да смотри, добавил старик вслед, не забудь про вино и водку.

— Знаю, батенька, весело звучал тот же смеющийся голос, — как же можно без водки...

Сняв амуницию, я сел за стол „под святые“; дед сел рядом со мной и мы стали разговаривать.

— Вы чей же будете? спросил он меня, вглядываясь в мое лицо своими чуть „страшными“ глазами.

— Я из рода Каргальских.

— Как же, знаю, — дворянский род, заметил старик, поглаживая бороду.

— Мой дед — Андрей Артемьевич, Вы может быть знаете? сказал я серьезно.

— Как не знать! ответил старик оживленно. Мы с ним вместе служили. Я и сына его знаю. Михайла Андреевича, умный был человек, царство ему небесное.

— А я сын его, Михаил Михайлович, сказал я, кончая родословную.

— Ну теперь разобрались, сказал дед, — на тот случай что казак казаку, как и волк волку, не перегрызет горло...

— А Ваш род? спросил я старика, зная, что разговор о родах у старых казаков ведется всегда охотно.

— Мой род! — сказал дед со вздохом, — и темные глаза его загорелись. — Про мой род и говорить страшно...

— Тем интересней, заметил я, — я люблю старину и люблю слушать разговоры про старое и „страшное“.

— Я и расскажу Вам, продолжал старик, многое такое, что может и не слышали, только это потом, а сейчас будем вечерить; ибо не даром у казаков говорят: соловья баснями не кормят... Вы как насчет выпивки, спросил он меня серьезно, чуть подморгнув глазом.

— Да будто не проливаю...

— Значит, не из рода, а в род, ибо дедушка Ваш не проливал тоже. Оно и в моем роду, сказал старик не без гордости, все хорошо пили...

Не успели мы кончить про выпивку, как вошла Маша. Она была красиво причесана, в чистеньком фартуке и „шавровых“ ботинках. Посуда запрыгала в ее руках, развернулась скатерь, зазвенели ножи и вилки, а через минуту стол был накрыт и закуска готова. Был тут янтарный балык, ветчина, севрюжья икра с ледяной искрой и бабышки в сметане... Все это усиленно требовало выпивки... и мы, конечно, „не подгадили“. Потом Маша не забыла и про ужин и принесла уху из ершей и эта уха „дымилась“... Тут опять нельзя было не выпить, ибо ерши отлично „плавали“...

Потом сама-собой на стол упала жареная утка. Мы выпили еще раз „по водке“ и перешли на вино, что и следовало, ибо на столе появились варенники с сыром... Мы о них не забыли и стали пить вновь, как и полагается, в таких случаях — не больше, ни меньше, а почти „впору“...

И вот тут то, когда в голове и во всем теле стала заметна приятная тяжесть, и шум в ушах, и туман в глазах, и расширение в чувствах; тут то, и только теперь мы стали говорить... чисто по казачьи.

— И так, сказал мне дед, сычас душа у меня разошлась, сычас могу говорить и про род свой, и про старину нашу, милую, казачью; и про царя, и про Русь эту самую, и про все.

— Ты только, строго пояснил старик, переходя на „ты“ для краткости, не перебивай и слушай.

— Да я, дедушка, ответил я улыбаясь, перебивать и не думаю.

Тогда он „икнул“ и сразу же поставил вопрос ребром, спросив меня, почему то сурово сдвигая брови, — о чем говорить сперва: про род? иль про царя?

— Говори, дедушка, про род сперва, а про царя после, сказал я, заинтересованный началом, видимо, „сурьезнаго“ разговора...

— Молодец, сказал дед и засмеялся, как мне показалось, будто дерзким, будто чуть вызывающим смехом.

— И я так думаю, сказал он, нехай царь подождет, пока мы будем говорить про наше казачье дело.

Помню, сейчас же я спросил сам себя: почему это дед так „заковырнул“ про царя, будто даже с непочтением каким то; будто с оскорбительным, скрытым под смехом, пренебрежением?! Что это? — „нарочно“, или нечаянно. Но было бы нетактичным перебивать его, — „не по казачьи“...

— Мой род, сказал дед, будто подымая что то тяжелое, с тяжелым вздохом, род мой по фамилии Розин, но эта фамилия не наша.

— Как не Ваша? спросил я с удивлением, раскрыв глаза, ибо отказаться от рода у казаков — „последнее дело“.

— А так, твердо сказал старик, — не наша и все.

Я снова удивленно посмотрел на него и снова не поверил, чтоб такой казак, как этот дед, мог отказаться от своего рода. Очевидно „спьяна“, — подумал я, но выражение глаз старика было отнюдь не пьяным.

— Чивой-то... я тебя, дедушка, не понимаю, сказал я ему прямо и твердо.

— А вот сычас поймешь, сказал дед медлительно, внятно... Всякая фамилия, сказал он, отчего либо да идет же, не так ли?

— Ну да, ответил я, хотя собственно, не понимая к чему он „клонит".

— Вот твоя фамилия, Каргальсков, — от Каргаль, был курган такой, из под „шляха"; Черкесов — от черкес; Конев — от конь; Владимиров — Владимир... а моя — Розин. — Это от чего же, по твоему? спросил он меня... и смотрит упорно, чуть строго.

Чорт его знает, подумал я, но ответил чисто по казачьи: Тебе лучше знать... ты и отгадывай.

— Я то отгадал давно, сказал дед задумчиво, а вот другой никто не отгадает.

— Я, дедушка, сказал я, твердо стоя на своем, — я и отгадывать не думаю. Скажу только, что твоя фамилия много похожа на фамилию нашего славного Атамана Степана Тимофеевича Разина.

Дед будто вздрогнул от удивления, его ноздри расширились, глаза бросили искры.

— Молодец, сказал он, видимо пораженный неожиданностью моего ответа. Ты как это узнал? спрашивал он, широко улыбаясь...

— Никак, дедушка, по казачьей догадке, ответил я, сам в душе удивляясь, как случайно брошеное предположение могло попасть в цель с такой точностью.

— Да, сказал старик, с затрепетавшей в его голосе гордостью, мой род от Разина, но потом, когда проклятая Русь погубила... нашего прадеда, царица приказала нашу фамилию переменить. Ну, мы, конечно, переменили, да не совсем. Что ж было делать... и вот с тех пор мы стали Розины, хотя душа у наз так Разинская и осталась...

Он замолчал; его глаза были задумчивы.

— Бунтовной род наш, продолжал старик, с загадочной и будто угрожающей улыбкой. Все нам не так, все нас тянет на бунт, — все бы зажег от края до края и все перестроил по своему, по Разински... Вот и тут меня все Бунтырем зовут, может оно и правда... Был станичным атаманом, почти год, — сменили. Был хуторским, всех „русаков" в три месяца из хутора выжил, — тоже потом сменили. Теперь выборным состою, — и тут люди на меня косятся, — все Бунтырь, да Бунтырь. А что я сделаю, коль у меня душа такая...

Настала пауза. Дед налил по большому стакану вина, мы чокнулись и выпили залпом...

— Ты может думаешь, продолжал старик, что это я спьяна... развожу турусы на колесах?

— Да нет же, дедушка, отвечал я искренно и просто. Как могу я не верить старому казаку.

— Молодец ты, я вижу, сказал старик с довольной улыбкой. Казачья кровь в тебе чистая... И казачья повадка... Ну так вот поэтому, что ты молодец. я покажу тебе то, что очень редко кому показывал. Посиди тут и подожди, а я сычас вернусь... И, быстро встав, он твердыми, будто отмеренными шагами вышел...

Я сидел бы один довольно долго, если б сейчас же, как вышел старик, в комнату не вошла Маша, младшая дочь Розина, и по тайне, которая раскрылась предо мной, правнучка „страшного" Атамана...

Теперь уже я взглянул на нее, как на „принцессу" великого рода и, признаться, не мог не любоваться ею. В ее фигуре была змеиная гибкость, в чертах лица — какая то особенная, красивая гордость. В глазах, лучистых и синих, как синие брильянты, — дикая страсть, но страсть, сдерживаемая цепями воли. И в улыбке — привет, и будто обещанье безумной возможности... Длинная коса темно русых волос и тонкие линии рук...

Она стала „прибирать" на столе, где мы с дедом разрисовали моря — вином по скатерти...

— Вы чиво же... один? спросила Маша меня с милой улыбкой.

— Нет, не один, ответил я, загадочно улыбаясь...

— С кем же? удивленно спросила Маша.

— С Вами! ответил я, шутя...

И начались взаимные шутки, с игрою глаз, с трепетаньем ресниц, с биением сердца из под жгучих слов, с недосказанностью страстных намеков.

Даю слово, если б пять минут, еще пять минут старик не вернулся, — я наверное признался бы ей в любви. Как знать, не стал ли бы ее женихом и может быть, зятем великого Разина? Но, старик вошел...

Сняв со стены чистое полотенце, дед стал бережно обтирать им какой то большой портрет, в старинной раме, который он принес откуда то, и который, видимо, где то далеко был спрятан. Он поставил портрет на столе против меня перед лампой и, будто торжествующе, глядя мне в глаза, сказал: Ну, вот гляди, кто это по твоему?

Хотя в глазах у меня некоторые линии заведомо двоились — и от вина, и от близости Маши, — но я не мог не узнать в чертах по своему красивого лица того, о ком до сих пор в казачьих преданиях не умолкает казачья правда. Да, это, несомненно, был он. И высокий лоб, и львиный рот, и улыбка жуткая, — его характерно Разинская улыбка.

И, что странно, меня поразило сейчас же, если не полное сходство, то сходство многих родовых черт, между этим загадочным лицом с портрета и чертами живых лиц, стоявших предо мной, — старика и Маши. Особенно в ней, был ясен отцвет той своеобразной красоты, которой было овеяно лицо портрета. И та же тайна в глазах, и гармония игры страстей в улыбке. И лицо старика, — будто старый портрет с этого портрета. Те же черты лица, тот же нос, гордость выражения и та же жуть угрозы в глубине взгляда.

— А знаете, дедушка, сказал я старику с невольным волнением: Как страшно похож он на Вас, и как много на него похожа Маша!

Как звезды вспыхнули гордостью глаза девушки...

— Все это говорят, сказал старик, загадочно улыбаясь...

— А знаешь ли ты, кто это, спросил он вдруг — почти грубо — видимо сомневаясь, узнал ли я Разина в его портрете...

— Кто не знает знаменитого атамана Степана Разина! ответил я ему в тон.

В этикете нашего казачьего уклада это именно так и полагалось: „Заслужил — получай".

— Ну и молодец же ты! восторгался дед моей находчивостью. Люблю таких. И вот за то, что ты такой, я буду говорить с тобой и про царя, — о чем редко с кем говорю, — потому, что редко кто понимает...

— Пожалуйста, дедушка! сказал я с загоревшимися глазами.

— Хорошо! — сказал старик, с добродушной улыбкой; расскажу про все, только сперва полагается выпить. — Нука, Маша, обратился он ласково к дочери, принеси нам раздорского из погреба.

Весело улюбаясь, девушка вышла. Дед ходил из угла в угол, будто мерил комнату, твердыми вахмистерскими шагами. Мои мысли бежали по темным „закоулкам" двора, мимо темных построек, мимо злобного кабеля, за Машей в погреб. Как целовал бы я ее там, несмотря на то, что она правнучка страшного Атамана, а я — внук урядника Андрея Каргальскова, — прозванного „Ястреб".

Однако, не успел я достаточно размечтаться, как вошла Маша, поставила на стол 6 бутылок вина и, улыбнувшись мне, вышла.

Дед раскрыл одну из бутылок, с заросшей „мохом" пробкой и мы стали „пробовать„ раздорское...

После, кажется, пятого стакана, дед начал разговор „про царя", но не так как я думал, — даже совсем не так, и не в таком духе... Словом, так: выпив „очередной", и как то крякнув, дед „вылупился" на меня своими страшными... разбойничьими глазами и сказал с какой-то ехидной улыбкой:

— Ты... как... насчет... царя?!

— То есть... как это?! спросил я, оскорбленный неожиданностью такого вопроса и его тона...

— Да так, очень просто, чуть грубо сказал дед. Предан ли ты ему по гроб, как говорит присяга, или... не очень?!.

Будто ударенный в больное место, я чуть не вскочил и не бросился на старика... Как он... смел! — Но,

задняя мысль, которая часто подсказывает казаку неожиданный выход и лучшее решение, — заставила меня не двинутся с места и злобу я скрыл... Напротив, я стал улыбаться, как полагалось, и сказал, почти спокойно: Положим, что... не очень...

— Это хорошо, сказал старик, значит — с тобой говорить можно.

Он сделал паузу и снова начал: А я, грешник, не люблю царей, не только не люблю, — я их ненавижу... Всех бы своими руками задушил... или на осинах перевешал...

Он говорил тихо, жилы выступили на лбу; глаза налились кровью... Теперь вижу, подумал я, что ты — настоящий Разин; не нужен и портрет, — так видно...

Порыв протеста во мне кипел. Его не могла сдержать даже такая крепкая узда, как казачья сноровка. Я в конце концов не сдержался и сказал: Чудно мне это, дедушка, как можно ненавидеть царя и так о нем выражаться...

Старик улыбнулся без злости, — снисходительно улыбнулся и сказал спокойно: Молод ты еще... Ваше благородие, очень молод, чтоб понять это. А все же знать тебе это нужно...

— Что ж „это“ — знать? спросил я с неудовольствием, бушевавшем во мне, почти грубо...

— Да вот такую правду про царя и Русь, — продолжал старик твердо. — Что не Бог он... Что не нужно служить ему верой и правдой. А что нужно напротив...

— Что же нужно? спросил я, не скрывая грубости, почти готовый броситься на старика и схватить его за горло...

— Нужно бороться против них, продолжал старик, будто пророчески и вдохновенно, с пожаром в глубине своего разбойничьего взгляда. — Ибо они враги Казачества, кровные враги наши!..

Будто льдина упала на горевший во мне до того порыв „верноподданической преданности“ и он стал остывать, в предчувствии какой то неведомой мне до того сокровенной правды. Инстинктом предчувствия раскрывал ее новое значение, безсознательно, но верно...

— Как же это, дедушка? спрашивал я старика, с бьющимся сердцем, чувствуя, что ускользает из под ног моих... старая неколебимая позиция „царской верности“ и... „нерушимой“ присяги... Но эта новая — „бунтырская“ — правда еще вся во тьме, в каких то туманных, трудно об'яснимых вопросах.

— А вот как, сказал дед решительно, будто рвал какие то цепи. Нужно отделиться от них, все порвать с царями и со всей Русью, и создать свое, родное... родимое казачье государство.

Прилив неведомых до того чувств — до дна всколыхнул мою душу и как в тисках, в безумной радости, сжал мое сердце.

И в этом порыве, новых патриотических чувств, я спросил старика с затаенным дыханием, почти шопотом: А кто же будет в нем царь?

Старик не засмеялся... Он понял мою искренность, под детской наивностью глупого вопроса. И без насмешки сказал: — Царь? — будешь ты, а моя Маша — будет царицей...

Я покраснел, но не смутился и спросил старика дерзко:

— А ты чем будешь?

— Я буду простым казаком, но в вольном и своем казачьем государстве... Это лучше чем царь.

Он выпил залпом стакан раздорского и заходил по комнате снова. Я смотрел на него с каким то новым чувством жуткого волнения и душа моя рвалась за ним, трепетала в порывах к новой мечте... где будет степь без конца... воля без края... и свое государство...

А дед уже стал, в упор глядит на меня и продолжает:

— Не даром я „это“ говорю тебе, но чтоб ты — там, среди казаков, в полках, говорил им об этом, раскрывал темноту и зажигал их сердца — этим бунтом, ибо в этом бунте наше спасение. И помяни мое слово, сказал он величественно, как пророк, гневно и грозно, — если мы будем сидеть, как сейчас, как куры на насестях, и будем ждать что воля к нам придет сама... из под русской палки, то добра не будет. Настанет страшное время. Придет голодная Русь к нам, как саранча на хлеб. Все пожрет, все ограбит и кровью зальет наши степи. И отберут земли у нас, и погибнет Казачья Воля...

. . . . . .

Я не знал, сбудутся ли предсказания старика Бунтыря, — но червь сомнения запал в душу твердо... Невольная грусть, как непроглядный туман, охватила меня... И тяготило какое то страшное предчувствие... А из угла, против нас, смотрел задумчиво тот, чьи страшные глаза светились, как огни, из рам портрета, и чья дьявольская улыбка звала на бунт и... подтверждала пророчества Бунтыря.

***

Прошло 18 лет... Восемнадцать раз Донская степь сбрасывала снег с своей груди и покрывалась весной зеленой травою...

Восемнадцать раз „вскрывался“ Дон... и бросал в разлив... свои бурные весенние волны. Восемнадцать раз, за это время, на маленьком островке, в разлив, „куликовала“ Разинская Куликовка... И кто бы сказал, что через 18 лет предсказания старого Бунтыря оправдаются. Но, это сбылось... Ранней весной, в феврале 18 года, двинулась на Дон, как саранча, голодная и рваная большевицкая рать. Темные, безбожные мужики, в серых солдатских шинелях, появились в хуторах и станицах... в „верховьях“ Дона... Начались грабежи, доносы, аресты и обыски. Шалая стрельба на улицах и огульное пьянство... Всюду за ними шел террор, пожар и насилия... И полилась по степям казачья кровь рекою... Расстреливали офицеров, вешали партизан, убивали детей, стариков и женщин...

Первые к оружию, в эти страшные дни, бросились старики... и казачьи дети... Но, жертва их подвига была напрасна. Настоящие бойцы — „фронтовики“ и „вторая очередь“ — в бой не выходили... То сидели на печах... с бабами, то раздирались за мир, бросая винтовки. То вовсе шли с красными, в их рядах, чтоб „предать“ офицеров и „поделить землю“...

Как один из агитаторов за восстание и борьбу против „красных“, я был послан в 1-й Донской округ... После сбора в ст. К., выехал на сбор в Куликовку...

Накануне сбора, засыпая на хуторской „вз'езжей“, я невольно вспомнил мое первое посещение и... Бунтыря и Машу. И тоска, страшная тоска, как паук, впилась в сердце... Где эти дни с охотой, с вином, с широкой и красивой жизнью?.. Где Маша?.. где ее дивные синие глаза, с Разинской улыбкой? Где Бунтырь и что с ним?!.. И тут, в первый раз за эти 18 лет, когда страшная действительность развернулась над Доном и появилась русская саранча в серых шинелях, и пожары, и кровь, — я с ужасом вспомнил об его предсказаниях... Да, ты прав, старик, думал я, анализируя ход событий. Как ужасно прав, и какой ужас был в нашем непонимании, — что тогда же, 18 лет назад, до Великой войны и падения нравов, а то и в самую войну, нам нужно было — поднять „сполох“ на Дону и сражаться за свое... а не за их прогнившее государство... Тогда мы вышли бы готовые к этой войне, с планами наших „вождей“ и готовым рассчетом боевых ударов, а не так, как теперь, разрозненные, разбросанные их рукой, — подверженные неожиданности их нападений. Но, кто об этом думал?!.. Кто знал, что Бунтырь из Куликовки был Донским пророком?..

На утро был серый туманный день. Угрожающим взглядом, загадочно и злобно, будто из под хмурых бровей, смотрело на простор степей мрачное солнце. Низко бежали серые облака, будто в солдатских шинелях, будто гнал их, как пленных, холодный февральский ветер. Иней с утра оттаивал и с голых ветвей, под окном на деревьях, падали капли, как... слезы... Не плачут ли оне о нас, погребая казачью волю, думал я, идя в Куликовское правление...

В ожидании открытия сбора, я смотрел на лица собравшихся выборных, — их выражение было загадочно и мрачно... С резкими жестами, они „шушука-

лись" между собой. Гнев и боевое возбуждение светилось во взглядах...

Долго между ними я искал Бунтыря, о котором слышал, что жив, но его между собравшимися не было.

Вошел атаман, „старики" разместились перед „вышкой", на лавках, в затылок, рядами, и стали „покашливать", по казачьей особенности, выдавая волнение...

Я взошел на вышку и начал речь о необходимости борьбы с большевиками, которые за эти дни заняли новые станицы... Их террор, их огульный грабеж, безбожие и пожары, — были неописуемы, — неудивительно поэтому, что я говорил убедительно, искренно и страстно.

Видимо, речь захватила казаков, их сердца загорелись. „Надо седлать коней". „Надо выступать"... слышал я из рядов горячие выкрики. И выражение лиц стало злобно, как у волков, потревоженных на „логове".

— Кто хочет говорить, прошу поднять руки, сказал атаман „старикам", и несколько рук быстро вскинулось к верху...

На вышку взошел урядник Никифор Еремин, богатый казак, еще не старый, известный в хуторе политик и „рассудитель".

Господа старики, сказал он с легкой „щепелявостью" в говоре. Вот г-н офицер говорил о большевиках. Если это так, дело, конечно, рассудить надо. А так ли это? Вот чиво — нам неизвестно... Над этим сперва надо подумать, а не бросаться „с бухты барахты". Он передохнул, будто нес из под „ерика" тяжелые „казаны" с водою и опять начал: Ипять же он говорить, что они все жгуть, и на этот самый на тирор „дюжа" налегають, а я слыхал, что они землю дають, и только гиноралов да ахвицеров диствительно обижають...

И снова все о том же, — сначала, как жернов, едва перемалывающий тяжелое зерно, назойливо и нудно... Он кончил так же глухо, как начал... Все молчат, на лицах недоумение, — будто холодной водой всех облил... проклятый „рассудитель".

На вышку взошел другой — Пахом Владимиров. Этот недавно вернулся из полка, где служил фельдшером у ветеринара. Он как то „по новому" успел попасть в выборные, совсем недавно. Этот затянул чисто большевицкую волынку о мире. И выходило так, что на красный грабеж, на террор и пожары, мы должны отвечать миром. Не с оружием к ним идти, а чуть ли не с хоругвями и крестами...

Он кончил. Опять молчание, — опять сумрачны, и загадочны лица. Но тут на вышку не вышел, а вылетел, Захар Хохлачев, глубокий старик, весь седой, с острыми черкесскими глазами. Этот стал кричать на всех... Тут же при всех „матерно" „крыл" большевицких „арателей" и звал в бой сейчас же. Мой внук, кричал он, как бешеный, бежал на фронт из корпуса; наши „парнишки" рвутся в бой, а мы старые дураки, как бабы бьем языки о мире. Стыдно мне за Вас, г-да старики, гремел он на все правление, если вы не идете в бой, а слушаете таких подлецов и предателей, как бабий урядник Еремин и конячий „фершал" Владимиров.

Волчьи огни опять зажглись во взглядах... Видно реч старика падала в самое сердце. Все стали кричать и требовать боя... Потом медленно из задних рядов поднялся какой то лунь и старческой походкой взошел на вышку. Тут только я узнал, что это дед Бунтырь, и тут я увидел, что время сделало с ним, с его прежде мощною, богатырскою натурой... Седые, как снег, волосы в бороде и усах скрыли характерное Разинское „обличье"... Согнулся стан, глубокие морщины избороздили лицо, ввалились щеки... И только глаза, одни глаза будто не изменило в нем время. В них был тот же неугасимый огонь, та же могучая воля и ненависть к „ним" без конца, — чисто разинская ненависть. Он узнал меня и мы тут же при всех расцеловались...

— Господа старики, начал Бунтырь, будто „загудел" старый колокол... Спросите есаула Каргальскова — не правда ли, что лет 17-ть тому назад, может и двадцать, я предсказал ему, что мы доживем это проклятое время... Спросите у него говорил ли я, что придет русская саранча на наши степи и пожрет наш хлеб. Придет голодный жадный русак и зальет степь... казачьей кровью. И это пришло...

Я встал и подтвердил, что ровно 18 лет назад старик предсказал именно это: и русскую саранчу на полях, и пожар на степях, и потоки казачей крови.

— Но как тогда же, продолжал Бунтырь вдохновенно, я звал на бой, так теперь зову в бой, но не только против красных. Тогда был царь, я звал против царя, — теперь его нет, я зову вас против всей России. Все русское нужно сейчас же выбросить из Войска, всех русаков сколько их есть у нас, — всех до одного выселить... Вот наш путь... Мы отделимся от них завсегда и создадим свое государство... Вот к чему зову я вас, г-да старики, и скажу еще, что если мы сейчас не пойдем на это, казачество погибнет... нас обратят в рабов... и вольной жизни на Дону не будет...

Он кончил... Все были возбуждены, у всех глаза были „волчиные", но явно все были в недоумéньи... Настолько новой была эта „бунтовная" разинская мысль, настолько непривычным и странным был бунтовной вывод.

— Дык как же это?! кричали многие, то война против красных, а то „бунт" против всей России?!

— Чивой то чудно выходит...

И, как ни странно, таковым было „общее мнение". — Дык как же, Степаныч?! кричали старики. Резать всех русских, што ли?! И в этом вопросе был смех, правда, темный и грубый, но... смех.

Но, Бунтырь был от Разина. — Да!.. твердо кричал старик, всех до одного выгнать, чтоб и вони русской на Дону не осталось... Только тогда будет Дон спасен... А если нет, — вы будете рабами, закончил он пророчески, с угрозой подымая руку.

— И, даю слово, „захолодело" у всех в сердцах от этого страшного пророчества. Так оно было сказано вдохновенно, — с полной верой в ужас грядущего.

Опять стали многие подыматься на вышку. Опять — то с миром, то — с „подожданием"... И все против Бунтыря, дескать, Русь не при чем, и с русскими „порывать не надо".

Долго говорили; ругались, чут не дрались, а в общем — ни к чему не пришли. И я видел, как старческой походкой, шел со сбора Бунтырь; — разочарованный, гневный, в диких выкриках и жестах подчеркивая мысль, что „Казачество погибнет".

С тяжелой душой ушел я со сбора. А вдалеке гремели орудия, в огнях и пожарах был донской север. Пьяная, жадная, кровавая, шла русская рать. Мрачная печаль лежала в степях. И плакал Дон по погибающей воле...

***

. . . . . .

И что же разыгралось потом?.. В неравной кровавой борьбе гибли храбрые казачьи дети, гибли многие „храбрейшие из храбрых", как: Каледин, Чернецов, Назаров и многие, — все, кто понимал, что лучше погибнуть, чем потерять волю, но гибли вразброд, без боевого плана, без единого плана, ибо против России никто не звал...

Против красных — звали многие, но тоже по разному. Не было народной борьбы, не было об'единенной воли.

***

В темную февральскую ночь, когда черная „мга", как туманный саван, легла на Куликовские озера, и шелестел камыш, и „шумели" палы вокруг спавшего хутора, и скрипели вербы в садах под порывами злобного „рассейского" ветра, и выли „кабели" во дворах... предчувствуя мертвых, — в эту ночь, крадучись, как вор, с боязливой опаской, в Куликовку в'ехал раз'езд с красными звездами на шапках... А на утро хутор был занят. Комиссар — солдат из бывших деньщиков, с пьяною, широкой, как у быка мордой; с грязными, как у лягушки, глазами, позвал стариков в правление...

Все пришли... Их оказалось 16 и среди них — Бунтырь... Не пошел старик никуда, об'явил, как отрезал: Коль не „итить" против всей Руси, я не иду... против красных... Так и остался...

На вышку в правлении, на место атамана, как медведь, неуклюже и грузно, в офицерской шинели, с дву-

мя револьверами у пояса, поднялся красный гость, комиссар Медведев...

Вслед за ним, с винтовками и бомбами, шла комиссарская свита... Их было шесть. Из них два матроса и казак Телков, — один из первых донских предателей, запятнавших себя вечным позором.

В знак презрения к казакам, комиссар сел боком к ним, закинул ногу за ногу и, не спеша, закурил папиросу.

Хмуро стояли пред ним старики. Были печальны их мрачные лица...

— Итак, начал комиссар свою речь, вызывающе бросив в сторону казаков недокуренную папиросу, я вас позвал, чтобы сказать — „Довольно колбасы"! — поняли?

Будто набрав воды в рот, казаки молчали.

— Довольно ваших вольностей, продолжал комиссар с издевательством в тоне... И привилегий, — все должны быть равны. И все ваше — наше... Насчет земли — тоже прошла „лафа". Всю поделим поровну, а кому будет мало, — живо отведем три аршина на кладбище, — в вечное владение и — даром...

Он замолчал. Будто немые, и казаки молчали...

— А сейчас я требую от вас, продолжал комиссар, подчеркивая каждое слово, выражение покорности, если не хотите, чтоб вывел в расход — авансом... Выражение полной покорности! повторил он и встал в угрожающей позе.

Из молчаливой толпы стариков вышел Бунтырь. Выражение лица старика было гневно и страшно... Своими огненными глазами он впился в комиссара, как коршун в голубя, перед тем как броситься на него и разорвать на части...

— Ты требуешь покорности — так, что ли?!. спросил он твердым голосом...

— Да, полной покорности, сказал комиссар, невольно отступая вглубь вышки, и опустил глаза перед угрожающим огнем Разинского взгляда.

— Халуй ты и хам, сказал старик громко, как выпалил, и придавил матерную брань — все три слова во всем их (похабном) значении, — вот тебе моя покорность!

И это было так смело, так влеичественно и гордо, что несколько секунд все окружающие Бунтыря — и казаки, и конвой, и сам комиссар, как облитый помоями, — все молчали...

— Схватить его! Судить!.. завтра же будешь расстрелян! кричал комиссар, блестя лягушиными глазами...

— Хоть сычас, — я готов! сказал старик опять величественно и грозно...

Его схватили, куда то отвели и на завтра расстреляли. Старик героически держал себя. Ни один мускул на старческом лице его не дрогнул, и до последнего мгновения на губах его змеилась Разинская улыбка...

Так погиб Бунтырь. Но в последнюю ночь перед расстрелом, как говорят хуторяне, он видел сон — пророческий сон, „сказание" о котором и сейчас живет в Куликовке. Он видел, что „ровно через дважды по семи лет, — за смерть „двух атаманов", — от весны до весны, — Казачество будет в рабстве... Будет голод, будут гонения на казаков и отберут землю. Уничтожат вольности Дона и закроют церкви... Но, ровно через этот срок... из чужих земель придут свои воины и будет бой на смерть — и будет победа за ними..."

И вот идут года, пророки из тех, кто не шел против Руси, все разменялись... Все их предсказания о сроках неоправдались... Но, дух деда Бунтыря воскрес в дедах... Бунтырях... заграницей. И, как знать, не будет ли четырнадцатая весна весной полного торжества их казачьей правды.

Петр Крюков. *(Франция).*

***

Еще весна... Какая — уж не знаю...
Забыл... Переплелось клубком все в голове...
И все чего-то нового так тщетно ожидаю
И грусть безбрежная все ширится в душе.
Быть может и не выдержит душа моя однажды
Тоски по Родине (о! Боже! есть ли Ты?) —
Тряхнувши головой: не умирать ведь дважды! —
Я смелою рукой прерву свои мечты.
И пожалею лишь, что сын Донской Свободы
Не умер за Нее в отчаянном бою,
Что на чужбине злой тяжелые невзгоды
Заставили сложить головушку мою!..

Оксана Печеніг. *(Прага).*

***

З тобою встрілись ми в похмурі дні:
Лляв дощ, танки вели осінні примари;
Мій ліс ридав, оспівуючи дороге,
А нам було так хороше...
Чи-ж правда, мій коханий?
І в осени, в ночі, між звір'я злого
В твоїй душі росли веснянііі квітки;
Росли вони, буяли, розквітались...
Чи і тепер під тягарем часу лихого
Вони ще у тобі незів'яні зостались?..

Гарун Дальвей-Бей. *(Югославия).*

САГА.

Плачет ветер в кустах полуночный
И размашисто тени шатает,
Запах хвои дурманный и сочный
Он с костровым угаром мешает.

Бряцают удилами кони в долине
И сова сумасшедше хохочет,
Тихо дрозд где то крикнул в калине
И в бреду орел глухо клекочет...

Плачет ветер в кустах полуночный
И трескуче костер полыхает,
И как будто в молитве всеночной
Кто то тихо и грустно вздыхает...

Колыхаются тени докучно
В полупьяном костровом отсвете,
Силуэт поет сагу беззвучно,
О давно позабытом на свете...

Плачет ветер в кустах полуночный,
А костер все горит не сгорает...
Почему в этот час неурочный
Мое сердце покоя не знает?

Эх, зачем отошло мое счастье?...
Почему же мне жизнь так постыла,
Не ищу ли я снова участья
В том, к кому уже сердце остыло?

Плачет ветер в кустах полуночный,
Я с тенями шатаюсь, пьянея...
Словно ладана дым непорочный,
Дым костра закурился, синея.

Эх, коня оседлать бы скорее
И метнуться бы ветру подобно.
Эх, умчаться бы мне поскорее
К этим пулям, свистящим так злобно.

Христос Воскресе!

Редакция „В. К.“ сердечно поздравляет всех своих читателей и сотрудников с праздником светлого Христова Воскресения. Верим, что воскреснет и Казачество.

Ко всей казачьей эмиграции.

Вести, идущие из дому; отчаянные зовы истязуемого и уничтожаемого красными оккупантами Казачества еще раз свидетельствуют о том, что положение т а м не только не улучшается, гнет — после одинадцатилетнего владычества завоевателей не только не ослабевает, а, напротив, пресс московских владык давит все сильнее и беспощаднее.

Сегодняшнее положение там — в Казачьих Землях — ставит еще раз, еще сильнее Казачий Вопрос, или — вернее — требует от казачьей эмиграции п р а в и л ь н о г о, отвечающего интересам Казачества, и немедленного р е ш е н и я к а з а ч ь е г о в о п р о с а.

Что делать? В состоянии ли Казачество решить свой вопрос только своими силами? И от каких других еще сил зависит решение нашего вопроса?

Как это ни „неожиданно“ с первого взгляда, но сейчас ни один народ (даже Великие Державы), не может решать часто своего вопроса сам на все 100%, ибо не может жить „изолированно“, не может отгородиться от народов других. Отношения не только соседних, но и дальних народов переплетены ныне взаимными интересами весьма сильно. Точно также и для нас нет упрощенной „двухсторонней“ схемы: Казачество и его нынешние угнетатели. Есть так или иначе заинтересованные в решении нашего вопроса. Это, прежде всего, наши соседи. Эта заинтересованность — взаимная. Кроме того, и это главное, силы наши — побежденных и победителей — в данный момент не равны. Это последнее обстоятельство сильнее всего заставляет нас думать и искать союзников не только среди соседей близких, но и среди народов „далеких“, равно как и в международной обстановке. Даже выиграв освободительную борьбу, нельзя наладить у себя всесторонне „гладкой“ жизни, не войдя в семью (систему) народов, не урегулировав и не установив с ними нормальных взаимоотношений. И об этом надо думать сейчас. Надо думать не только о борьбе за освобождение, надо будет потом добытую и завоеванную свободу обеспечить и защищать.

Предпосылкой успешного и хорошего решения казачьего вопроса является для Казачества ясное и четкое осознание им всех факторов и всех сил, на которые оно может рассчитывать в своей борьбе за свое освобождение. Надо отдавать себе полный отчет о роли и значении каждого из факторов и каждой из сил, а особенно — различать: значение своих, казачьих, сил; роль союзников и удельный вес внешних условий — международной обстановки.

Решающей, конечно, является роль своих собственных сил. Это положение должно стать не только бесспорным для каждого казака, но и своего рода приказом-водителем во всем дальнейшем его поведении на все время борьбы. Внешняя обстановка, равно как и интересы соседей не всегда могут совпадать с интересами нашими. В этом отношении надо быть готовыми иногда и к обратному. До сих пор Казачество не имело еще счастливой для себя международной (хотя бы — „ближайшей“) обстановки, равно как и установившихся отношений со всеми своими соседями, — было и есть еще несколько вопросов не договоренных и споров нерешенных.

Стремясь к установлению со своими соседями подлинно добрососедских отношений на основе взаимности; делая все, чтобы создать для себя благоприятную „атмосферу“ и хорошую обстановку во вне, — Казачество должно все же в первую очередь рассчитывать на свои силы: на свои руки и на свои головы (разум!). Союзникам надо отводить роль союзников. Международной обстановке — роль международной обстановки. В наших интересах, в интересах всего исторического будущего Казачества нужно, чтобы в настоящей освободительной борьбе роль нашего собственного „фактора“ была наибольшей и в то же время — наименее зависима от роли „внешних обстоятельств“.

Что для этого нужно? — Нужно, чтобы наличная казачья сила — физическая и моральная (политическая и идеологическая) была максимальной. — Необходимым условием для этого является совершенная осознанность казачьего вопроса и ясность казачьей программы для казаков, а потом — об'единение Казачества на с в о е й программе в одну организацию.

Пока еще этого нет. Но к нему нужно всеми силами стремиться. Осуществлению такого идеального положения должна помочь наша предварительная интенсивная работа внутри казачьей эмиграции для консолидации казачьих сил и проповеди и д е и и п р о г р а м м ы В. К. — к а к К а з а ч ь е й П р о г р а м м ы.

Казачий вопрос должен быть поставлен ясно и определенно не только для самих казаков, но ясность постановки и решения нашего вопроса надо сделать известным и понятным и для других народов, а прежде всего — наших соседей — близких и далеких. Казачий вопрос в международном масштабе еще не стоит, а ставить его так уже нужно. Сделать же это может, при сложившихся у нас дома условиях, только казачья эмиграция. Точно также, казачья эмиграция, стремясь ныне к созданию союзного

фронта в борьбе за освобождение со своими ближайшими соседями, этим самым будет во многом предрешать те или иные взаимоотношения Казакии с ними и в будущем. Интерес взаимности будет диктовать не только нам, но и им — нашим соседям — заранее намечать решение спорных вопросов, устранять ненужные трения и готовить таким образом отношения искренне добрососедские.

Все это — с нашей точки зрения — значит готовиться к предстоящей освободительной борьбе так, чтобы в каждый данный момент быть готовыми к любому „началу" грядущих событий.

Что есть в действительности?

Казачьих политических группировок в эмиграции довольно много. Но, „удельный вес" и роль их неодинаковы. Потеряли свое значение в казачьей среде, отмирают те „партии" и группировки, которые решали казачий вопрос в рамках той или иной русской политической партии. Ни одна из таких казачьих „программ" — будь то казачьи эсеры, или милюковцы, или красновцы-монархисты, или другие кто — не пустили корней в казачьей массе и — одни уже „засохли", другие — к этому весьма близки.

Если поставить вопрос широко, то сейчас серьезно можно говорить только о двух факторах, играющих действительно серьезную — а не „местную" только — роль в казачьей жизни: в казачьей эмиграции непосредственно и косвенно („отголоском", по скольку позволяют „внешние" труднопреодолимые обстоятельства) там, дома. Это:

оффициальные (формальные) возглавители казачьей эмиграции — Атаманы, опирающиеся на силу авторитета, оставшегося у них от недавнего прошлого казачьей действительности, и

Вольно-казачье движение, опирающееся на силу идеи.

Программы решения казачьего вопроса у этих двух факторов, двух реальных, хотя по природе своей весьма различных казачьих сил, тоже весьма разные. А между тем, в интересах Казачества было бы наилучшим, если бы такие факторы — сила идеи и сила авторитета — совпадали. К сожалению, сейчас, при данных условиях, этого нет и с этим положением надо считаться, как с фактом.

Атаманы казачьего решения казачьего вопроса не имеют. Так наз. платформа ОСДКТ (см. „Казачьи Думы", № 11 за 1923 год, и неоднократную защиту ее на страницах „Р.Края"), связывающая судьбу Казачьих Краев с Россией, тем самым связывает и теперешнюю работу и политику Атаманов. Самостоятельно действовать они не могут. В силу этого, казачий вопрос, как вопрос сам по себе, перед Атаманами стать и не может. Он, казачий вопрос, для Атаманов только „следствие", часть большего вопроса, вопроса русского и должен разделять его судьбу, вернее — служить ему.

Осуществлять Атаманскую программу ОСДКТ значит — повторять недавнее прошлое, то прошлое, которое привело Казачество к настоящей катастрофе. Ясно поэтому, что политическая программа ОСДКТ противоречит интересам Казачества. Не будет большой смелостью утверждать, что если бы Атаманы опирались только на об'явленную ими программу и не имели за собою силы авторитета, т. е если бы они выступили со своей программой только как политические деятели, они давно бы уже разделили судьбу аналогичных покойных организаций, как „Союз Возрождения Казачества", „Союз Единства Казачества" или группировок, стоявших за журналами „Казачьи Думы", „Путь Казачества" и др.

Не будем останавливаться здесь специально на атаманском вопросе, давно уже ставшем с точки зрения казачьих Конституций вопросом ненормальным. Казачество лишено сейчас фактической возможности решать атаманские вопросы. И чем дальше, тем большее расхождение получается между подлинными стремлениями Казачества и их формальными в настоящий момент возглавителями. Да и сама природа атаманского авторитета сейчас уже иная, чем это отвечает духу и требованиям казачьих Конституций.

Как же выйти казакам из этого положения? К какому решению стремиться: иметь ли Казачеству свою казачью программу решения казачьего вопроса или звать к об'единению на платформе ОСДКТ, прикрываемой силою атаманского авторитета, но решающего казачий вопрос под углом зрения интересов русских?

Для нас, В. К., спора и сомнения в этом вопросе нет. Программа ОСДКТ не может быть нашей программой, ибо она — не есть программа казачья. Не для вольных казаков а для еще не в. к. мы хотели бы подчеркнуть здесь, что второе решение, второй путь не несет Казачеству того, что нужно, не приведет в будущем к иному, чем привел нас в недавнем прошлом. Мы на тот путь — путь служилого казачества — звать казаков не можем.

Остается наш путь, путь В. К.

Казачество не подчиняет своих интересов никому, принимает свою чисто казачью программу, и все свои силы отдает на ее осуществление.

Когда это случится, тогда будут решены все „больные" вопросы казачьей жизни, тогда будут ясны ответы на все запросы и „проклятые вопросы" казачьей современности, тогда казакам ясна будет их историческая будущность и тогда у них будет яркая путеводная нить к этой будущности. Только тогда Казачество будет иметь свои руки развязанными и будет действовать самостоятельно; только тогда оно свои силы будет тратить для достижения своих целей.

Пока же казаки будут раздроблены, пока одни из них будут стремиться к осуществлению своей казачьей программы, а другие в это время — тянуть „к обще-русскому об'единению", — помочь своим братьям там или делать большое

казачье дело заграницей казачья эмиграция вряд ли сможет.

И потому — приказ времени: не творить новые „организации", а создавать одну. Не искать программных „деталей", а решать вопросы основные. А основной вопрос у нас, казаков, один: решать казачий вопрос под углом зрения только казачьих интересов и как вопрос сам по себе или — решать казачий вопрос с точки зрения интересов Единой-Неделимой. В первом случае возможно только одно решение — вольноказачье решение казачьего вопроса. Во втором случае — решений, или вернее — попыток решения казачьего вопроса может быть несколько (что в действительности и есть). Став на этот второй путь, можно до бесконечности „варьировать" свои программы, но, кроме излишней путаницы в казачьем вопросе, ничего другого такое „творчество" не дает. Вот почему вольноказачей программе противники наши среди казаков не смогли противопоставить программы же.

Мы намеренно ставим сейчас эти основные вопросы определенно и без недоговоренностей. Ибо — договориться по ним один раз казакам нужно.

Окажется ли казачья эмиграция на высоте требований от нее настоящего исторического момента; найдет ли она в себе столько моральных сил, чтобы в полной мере и во всем об'еме поднять на свои плечи стоящие перед ней исторические задачи и еще раз — теперь уже на поле политическом — исполнить свой долг перед своей казачьей Родиной, — на эти вопросы пусть ответит она сама.

Мы глубоко верим, что ответ этот будет утвердительным и словом, и делом.

Шамба Балинов.

К вопросу об иногороднем населении в казачьих краях.

... „Не может быть того, чтобы для здоровья одних людей нужно бы было губить тела и души других людей; также, как не может быть того, чтобы для здоровья одних людей нужно было пить кровь других"...

Л. Н. Толстой.

8 марта с. г. Казачий Клуб в Париже устраивал доклад на тему: „Отношение между казаками и крестьянами в Казачьих Областях". Доклад этот предполагалось устроить почти месяц тому назад. Тогда же председатель Клуба просил меня принять участие в прениях по докладу и я изъявил на это свое согласие, но когда точно состоится доклад — не было известно. И только 7 марта, накануне доклада, я из газет узнал, что он состоится 8, а в числе участников собеседования и свое имя. День же этот у меня был занят и я никак не мог принять участия в собеседовании. Кроме того, после выяснения одного обстоятельства, у меня гораздо меньше стало охоты принимать участие в „их" собеседовании. Оказалось, что Казачий Клуб, устраивая подобные собеседования, своей главной целью ставит — „бить" самостийников. А когда видишь из журнала „Р. К.", как некоторые наши противники думают нас „бить", широко прибегая к помощи беззастенчивой демагогии, лжи и невозможных извращений в своих отчетах чужих слов, то и совсем пропадает охота иметь что либо общего с подобными противниками.

Надо полагать, что на докладе оперировали историческими, статистическими и т. п. данными об иногороднем населении Казачьих Краев, указывали на количественное преобладание „иногородних", на их враждебное к казакам отношение и на невозможность, поэтому, казакам думать и мечтать о свободной, вольной казачьей жизни. „Не до жиру — быть бы живу", — пишет Н. Мельников.

Все это можно знать и не побывав на их собрании, ибо это — их любимый лейтмотив. И если я пошел бы на собрание, то ни о каких статистиках не стал бы говорить, а сказал бы примерно следующее: прежде чем говорить и обсуждать такие казачьи вопросы, как „иногородний", необходимо разрешить основной Казачий Вопрос — как мы мыслим будущую жизнь Казачества? Без решения этого вопроса, все наши суждения и разговоры будут походить на работу людей, которые, не заложив фундамента, не воздвигнув стен, стали бы пытаться возвести крышу дома. Конечно, и крыша существенная часть дома, но все таки строить дом начинают не с крыши...

Иногородний вопрос в Казачьих Краях — большой и сложный вопрос, в недавней борьбе Казачества с большевизмом сигравший печальную роль. Кроме этого общего вопроса, перед казаками стоит и специальный вопрос о населении городов в Казачьих Краях, которое в огромном своем большинстве неказачье, в руках которого находится вся культурная жизнь Края: торговля, промышленность и прочее. Но обсуждать и решать все эти вопросы можно, имея определенную исходную позицию, т. е. ясно представив себе то положение, те политические условия, при которых эти вопросы будут разрешаться.

Таких основных исходных положений может быть два. Первое — так или иначе зависимое от Москвы положение Казачества, когда казаки будут лишены возможности должным образом отстаивать свои интересы и права, и второе — ни от кого независимое положение Казачества, когда казаки будут решать все вопросы так, как им будет выгодно, когда они будут хозяевами на своей земле.

Вот два исходных положения, исходя из которых можно себе представить возможные решения обсуждаемого сегодня вопроса. Причем, первое, зависимое, положение мыслимо в трех возможных вариациях, т. е. эти вопросы будут разрешаться при существовании определенного политического режима в буд. России. Эти режимы следующие: социалистическо-большевицкий, как сейчас, буржуазно-демократический и монархический. Других сил, других претендентов на власть в России пока нет. Евразийцев в рассчет я не беру.

Нам, казакам, необходимо, освободившись от своей личной симпатии или антипатии к России, трезво посмотреть на дело и ясно представить себе — как будут разрешать эти возможные российские власти казачьи вопросы, в частности и иногородний вопрос. Сделать это нам тем легче, что перед нами свежий опыт, живая практика этих властей, в России уже бывшей и сущей.

Как сейчас при большевицком режиме разрешается Казачий Вопрос, мы все знаем. Это решение ясно и определенно выражено в словах „Всероссийского старосты" Калинина, который откровенно заявил: „советская власть нравственно обязана расказачивать Казачество, и она его будет расказачивать неумолимо". А мы все знаем, что у большевиков слово с делом не расходится и они действительно казаков физически

уничтожают. „Там“ Казачьего Вопроса не существует. „Там“ над Казачеством поставили большой красно-черный крест.

Как другие претенденты на власть в России, демократы, будут решать Казачий вопрос, мы также, на основании недавнего нашего опыта, можем себе легко представить. За всю долгую историю России был один короткий миг, когда у власти стояли подлинные русские демократы. И мы хорошо знаем, как эта власть отнеслась к Казачеству. Ведь, ни для кого не секрет, что для русских демократов, тем более социалистов, казаки, это — „царские опричники“, „душители народной свободы“, ненавистное им „военное сословие“, подлежащее немедленному уеичтожению. В сущности русские демократы в отношении Казачества должны были делать то же самое, что сейчас делают большевики, только облекая свое „дело“ в более „нежную“ форму: красивыми и громкими словами заглушая казачий стон, разными ухищрениями умеряя физическую боль казака. Большевики к своей цели идут прямым путем, а демократы пошли бы окольными путями. Вот вся разница между ними в отношении к судьбам Казачества...

Большевики расчищают путь демократам: расстреливают, ссылают в далекую Архангельскую губернию, в тюрьмах гноят казаков, а на место их вселяют „своих“. В результате такой „работы“ -- на Казачьих Землях с каждым днем казаков все становится меньше и меньше. Как теперь будут действовать русские демократы, если они придут к власти в России? Принимая во внимание искусственно большевиками созданное соотношение сил в Казачьих Краях, как я, например, ставил бы Казачий Вопрос, если бы я был русским демократом? Да очень просто: „что скажет народ, живущий на этой земле“? А решение этого „народа“ легко заранее предугадать, ибо этот „народ“ составляется из тех „северных пришельцев“, которые свое счастье строят на несчастьи казаков. Такой постановкой вопроса и таким его решением русские демократы сразу убивают двух зайцев: и демократический принцип будет соблюден и с Казачеством покончено...

Так какраз и ставят русские демократы казачий вопрос, ибо они заранее знают, как он будет решен при такой постановке. Но непонятно поведение тех казаков, которые, желая лучшее будущее Казачеству, заранее соглашаются с такой постановкой Казачьего Вопроса и любят ссылаться на то, что казаки на своей земле остались в меньшинстве, призывают внимательно прислушиваться к голосу пришельцев, бережно к ним относиться... Если мы на это пойдем, то никакие „законодательные по местным делам Круги и Рады“ делу не помогут, ибо тогда казачьи вопросы, казачья судьба будут решаться не казаками и не в Новочеркасске или Екатеринодаре, а пришлыми элементами при помощи Москвы...

Вот два положения, при которых казачьи вопросы будут решаться без казаков и против них. Большевики и демократы — враги Казачества, но, так сказать, различного качества: первые оголтелые, действующие голыми руками, ноганами, а вторые, демократы, враги более „нежной душевной организации“, будут действовать в белых перчатках, но и те и другие казачью судьбу решают одинаково: смерть Казачеству, „нравственное расказачивание“...

Есть третье зависимое от Москвы положение, при котором будут решаться казачьи вопросы. Это — приход к власти монархистов, возможность чего почти исключается. Почему — не стоит говорить. Но мы на момент поверим в чудо и допустим, что монархисты придут к власти. И в этом случае казачьи вопросы будут разрешать не сами казаки, а царь-батюшка в Москве.

Если бы не было никакого другого выхода для Казачества, то в решении Казачьего Вопроса предпочел бы монархистов, ибо последние являются до некоторой степени „друзьями“ казаков, правда, казаков не таких, какими мы сами желаем быть, а казаков „церских слуг“, казаков духовно извращенных, обязанных безконечно служить государю. Но в этом случае казаки все таки будут физически сохранены, будут иметь „жалованные грамоты“, некоторые „привилегии“, останется хоть имя казачье. Так лучше уж будет хоть что нибудь, чем совсем ничего...*) Правда этот строй не будет соответствовать моему политическому настроению, но во имя жизненных интересов Казачества мы обзаны жертвовать своими политическими настроениями.

Таковы три возможные решения Казачьего Вопроса при нашем первом основном положении, т. е. при том или ином зависимом от Москвы положении: первые два решения ставят крест над Казачеством, а третье решение только теоретически мыслимое, имеет ввиду не свободных, вольных казаков, а только „царских слуг“... Но при всех трех решениях сами то казаки совершенно не причем — за них будут делать другие.

Эти три возможные решения Казачьего Вопроса — не простая выдумка, не досужая наша фантазия, не следствие ложно нам, самостийникам, приписываемой ненависти ко всему русскому, а это есть простое констатирование того, что было и есть. Если ныне некоторые казаки „доказывают“, что это так было, но теперь этого не будет, так это их дело. Блажен, кто верует. Но надо иметь ввиду, что иного отношения к Казачеству со стороны русских политических сил не было, нет и сейчас. И нет никакого основания, что подобное отношение в будущем молниеносно превратится в свою противоположность...

Остается второе наше основное положение, когда сами казаки будут решать все свои вопросы так, как им будет полезно, хорошо, не спрашиваясь никого, т. е. независимое существование Казачества. И мы, самостийники, считаем, что только став на эту позицию, можно более или менее правильно решать казачьи вопросы. Это потому, что при такой постановке все величины решаемой задачи нам известны (конечно, только теоретически, пока мы не добились своей цели).

Исходя из этой нашей основной позиции, мы, самостийники, разрешаем и иногородний вопрос. Сейчас, находясь в эмиграции, мы не можем входить в обсуждение деталей этого вопроса. Нам сейчас важно только установить общий принцип решения этого вопроса и мы его устанавливаем: все коренные жители Казачьих Земель жившие там до 1919 г. включительно и прожившие там до этого не менее двух лет непрерывно, пользуются одинаковыми с казаками правами и несут одинаковые с ними обязанности.

Так кратко формулируем мы наш основной взгляд на этот вопрос. Такое решение вопроса облегчается еще тем, что теперь „там“ между коренными иногородними ясно осознали общность своей судьбы с казаками, признали свою ошибку в недавней борьбе казаков с большевиками. Сейчас „там“ вражда идет не

*) От ред. Автор не принимает в рассчет здесь того, что при следующей революции казаков вырезали бы потом до одного, что „счеты“ при последующей революции были бы куда горше, чем при настоящей.

— „Вот, наконец, ясен смысл революции. Да, можно теперь утверждать, что оправдались десятилетние мучения русского народа. Россия устанавливает новую эру человечества. Преступно, непатриотично было бы теперь противиться советской власти. Какая бы она ни была, но она несет свое, новое, русское слово“...

— Так говорит „неизвестный“ — „один из самых талантливых представителей молодой (русской) эмиграции“.

С. Любимов. „Возрождение“ от 23 марта 1931, № 2120.

между казаками и иногородними вообще, как это было раньше, а между казаками и коренными иногородними, с одной стороны, и наплывом новых пришельцев — с другой. Эта вражда более острая, более жестокая, чем бывшая раньше между казаками и иногородними. Это обстоятельство хорошо известно и большевикам. Поэтому коренные иногородние в Казачьих Землях подвергаются гоненню почти в одинаковой с казаками мере.

Это положение является хорошим опровержением ссылок тех казаков, которые любят говорить, что при создании Казачьего самостоятельного государства, казакам в первую очередь придется воевать с своими крестьянами. Напрасная боязнь!

Если понадобится, то казаки вместе с коренными иногородними будут бороться против нового наплыва. Но этого бояться нельзя и пусть нам не указывают, что это будет антидемократично, античеловечно. На это мы, отвечаем: люди, строющие свое счастье на ужасной трагедии Казачества, на крови и трупах казаков, не смеют искать убежище и защиту в области морали, этики. С ними казаки имеют моральное право поступить по древнему изречению: „око за око, зуб за зуб"... Но кроме того, мы думаем, что и этой войны не будет, ибо эти люди, чувствующие свой тяжкий грех перед казаками, при первом малейшем колебании положения большевиков в Казачьих Краях, побегут туда, откуда пришли. Так что мы их и не догоним. А что в душе этих пришельцев „кошки скребут", не подлежит никакому сомнению, ибо в их совести не только

... „единое пятно,
единое случайное завелося",

но потоком казачьей крови она залита. Эта совесть у них

как молотком стучит в ушах упреком,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах"...

Мы, перефразируя лозунг „Америка — для американцев", говорим: Казачьи Земли — для казаков и для тех, кто с ними жили и желают жить по братски. С этими последними мы договоримся. Нам бояться их нечего. Пусть наши противники не указывают на множество сложных и трудных внутренних казачьих вопросов, в силу чего, мол, нельзя казакам жить самостоятельно. Все эти аргументы теряют свою силу, если поставишь им вопрос: а что, все эти сложные вопросы при вашей концепции лишаются своей остроты? Нет же! Если при самостоятельной жизни разрешения этих вопросов представляют трудность, то при зависимом от Москвы положении они вовсе неразрешимы с нашей, казачьей, точки зрения. Конечно, они разрешатся легко, но без нас, против нас, в ущерб и на погибель казакам.

Так мы, самостийники, определяем свой основной взгляд. Повторяю, если мы желаем обсуждать казачьи вопросы, то прежде всего надо ответить на основной вопрос: хотим ли мы и в дальнейшем оставаться казаками? Очевидно, каждый казак скажет: я родился казаком и хочу остаться казаком. Раз так, то каждому из нас нельзя ограничиться только этим ответом, а необходимо глубоко призадуматься над современным положением Каз-ва и серьезно проанализировать, продумать и уяснить себе то, что говорят Каз-ву русские политические течения. Нельзя затуманивать казачье сознание ссылкой на несуществовавшую и несуществующую „Нац. Россию". От того, что над территорией б. Империи водрузили название из четырех букв, не изменилось отношение русских политических сил к Казачеству. Также не изменится это отношение, если четыре буквы заменят двумя словами „Национальная Россия". Какое бы название люди на досуге не придумывали, власть то над этой территорией, над русским народом будут творить, осуществлять те организованные русские политические партии, течения (в той или иной комбинации, или один из них, как теперь большевики).

Совсем недавно я в одном казачьем журнале прочитал, что казаков на своей земле, в результате страшной большевицкой расправы, осталось очень немного, что на место убитых, расстрелянных, сосланных и изгнанных казаков „масса наплыва хлынула с севера в Казачьи Края" и водворилась там. Вот почему этот журнал против самостийности. Казачье право на самостоятельность отрицается, обосновывается как будто казачьей кровью, казачьими страданиями. По нашему это — подлинное казачье пораженчество, преступное „непротивление злу". Мы не смеем поклоняться кровавым фактам, мы не смеем отрицать казачье право в силу преступления других. Мы являемся поборниками казачьего права. Это право не зависит от количества. От того, что нас другие расстреливали, ссылали и изгоняли из Родины, наше право не перестало быть правом. Мы об этом своем праве обязаны громогласно кричать на всех перекрестках, всеми своими силами добиваться его осуществления. И, если нам, несмотря на все наши усилия и старания, не удастся осуществить наше право, то мы и умирая должны кричать:

Да здравствует Казачество!
Да здравствует Казакия!

П. Покотыло.

Неудачная осада турками Азова в 1641 году.

(По турецкому источнику).

Взятие Азова в 1637 году донскими и запорожскими казаками и „Азовское сидение" 1641 года представляет одну из славнейших страниц казачьего прошлого. На страницах казачьей прессы не раз уделялось внимание этому славному событию.

Овладение Азовом было не только дерзким, но прямо таки ошеломляющим делом, изумившим весь тогдашний европейский свет и поразившим весь мир. Могущество блистательной Порты было тогда непреоборимо; перед Турцией трепетал весь христианский свет и одни только казаки презирали военную и политическую мощь султана, достигая того, что даже европейские монархи ститали их повелителями Черного моря, как писал король шведский.

Азовская история взбудоражила и Московское царство. В Москве был собран даже специальный Земский Собор для решения этого вопроса. Москва тогда была еще слаба и боялась турецкого могущества, казачье предложение было отклонено, в Азов не было выслано стрелецких подкреплений и казаки добровольно ушли в свои городки, не оставив в Азове камня на камне...

Изданный в Москве „Сборник государственных грамот и договоров" в 3-ем томе содержит богатейшие материалы об Азовском деле, где между прочим упоминается о колоссальной численности турецких войск, осаждавших Азов в 1641 году. Историки сомневались, чтобы турки действительно двинули против горсточки казаков столь многочисленную армию и флот, однако турецкий участник блокады Эвлия-Эфенди в своей „Истории путешествия" подтверждает это...

Его труд еще не использован при описании Азовского сидения. Разумеется, при точке зрения фанатического мусульманина многие подробности его рассказа представляются в превратном виде. Часто в нем говорит оскорбленная гордость военного османа и нескрываемое презрение к гяурам-казакам, но тем не менее это есть вернейшим свидетельством казачьей доблести. В глазах умеющих читать между строк и проходить мимо предвзятостей автора его повествование приобретает особенную ценность.

Прежде чем приступить к изложению описания (в переводе с английского) не безинтересно будет ознакомиться с личностью самого автора.

Эвлия-эфенди — дипломат, купец и знаменитый пу-

тешественник 15-го века был сыном Дервиш-Магомета, главы цеха мастеров золотого дела в Стамбуле. Родился он в правлении султана Ахмеда I в 1611 году. Мать — родом из Абхазии, была подарена отцу Эвлия султаном. Эвлия учился в школе Гамид-Эфенди в течение 7 лет. Наставником в чтении Корана был ученый муж того времени Эвлия-Магомет, по имени которого, кажется, и был назван наш путешественник.

Эвлия 40 лет провел в путешествиях (по 61 году своей жизни). Последние годы он посвятил описанию своих путешествий по Европе, Азии и Африке. В 1664 году, в качестве члена посольства, посетил он Австрию, Германию, Голандию, Данию, Швецию, Польшу, Украину и Крым. Эвлия, во время своих путешествий, побывал во владениях 18 монархов и слыхал 147 языков; и не смотря на занимаемые им дипломатическо-финансовые должности, побывал в 22 сражениях. Умер Эвлия-эфенди 70 лет от роду в Стамболе.

* * *

... „Когда я, убогий Эвлия, находился при Конийском аге [1]) янычар в Анапе, султанский флот, войдя в Черное море, стал на якоре в тамошнем порту. Во время трехдневной стоянки, в течение которой прибыли все малые корабли, оставленные позади, флот запасся пресной водой. С агою канийским я поднес некоторые подарки каймакаму янычар. Затем, представился господину великому адмиралу Дели-Гуссейн-паше [2]), который назначил мне квартиру и довольствие, избрав меня своим муэдзином, и поместил на галере своего интенданта. На следующий день, в полдень, падишахский штандарт был поднят по пушечному выстрелу в знак, что флот снимается; мы оставили Анапу и взяли курс на Азов.

Покорив Багдад, Мураду IV оставалось овладеть только Мальтою, но он умер во время подготовлений к этой великой кампании. Во флоте, подготовляемом к этой экспедиции, находились два огромных корабля по 300 пушек, названых Кара-маона. По смерти султана неверные повсюду поднимали головы против оттоманской империи и Крымский хан донес Кара-Мустафе-паше, великому визирю султана Ибрагима, что казаки напали на крымские и азовские области, их опустошили, и что 100 тысяч казаков [3]) овладели после 40-дневной осады, даже Азовом. 80 тысяч из них остались, остальные на 150 чайках разоряют побережье Черного моря.

По получении таких известий в Стамбуле, султанские манифесты о мобилизации были обнародованы по всей Румелии. Хаджа-Гурджи-Канаан-паша, очаковский губернатор и губернатор Румелии, окружили азовскую крепость 28 санжак-беками,[4]) 40 тысячами буджакских татар, 40 тысячами неверных молдаван и валахов и 20 тысяч. трансильванцев. С морской стороны стал султанский флот, составленный из 150 галер, стольких же фрегатов, 200 чаек и карамурзалей, — всего 500 судов, которые, взяв с собою еще 40 тысяч человек, снялись в анапском порту, минули устье Кубани, и крепость Таманскую. На левой стороне остался Крым и мыс Килисседжик, на правой, противоположной стороне, — мыс Чука на полуострове Тамани. Расстояние между обоими пунктами не превышало одной мили, а за проливом находится море, называемое Азовским. Мы вошли в него при благоприятном ветре и бросили якоря в порту Белосарайском [5]). Здесь амуниция и провизия были погружены на меньшие суда и отправлены 30 миль далее к крепости Азову, поскольку галеры и чайки, которым необходимо 5 футов воды, тут не могут пройти на глубине, не превышающей 2 или 3 футов. Белосарай, лежащий на западной границе степи Гейгат [6]), — местность пустынная, но по прибытии армии и флота много было выстроено бараков для людей и для обозов. Так возник тут большой город, как бы предместье Азова. Сюда то и прибыли из Черкесии, приписаной к Каринскому [7]) округу, воины из колен: Джегаки, Джане, Махош, Тагаур, Бжедух, Булугтай, Хатукай, Кабарда, и владетеля Дагестана Шамхал-султана, 40 тысяч человек отборного войска, с 7 тысячами подвод, послуживших для транспорта части амуниции и провизии к Азову.

Войска вошли в траншеи 21 шабана [8]), а 25 того же месяца прибыли из Анатолии 7 везиров, 18 беглербегов, 70 санджаков и 200 алай-бегов [9]) со своими людьми, составляя 47 тысяч человек. Хан татарский, которому поручено было занять аванпосты, рассыпал по всему лагерю своих ногайцев: кечин-ногайцев, шеуак-ногайцев, урумбит-ногайцев, шеринлы, мансурлы, себунли, манкитлы, накшиванлы, чекешке, ирбатлы, ули, оланлы, бадраклы, арслан-бег-или, чобан-или, деви-или, неврусили, — все татары.

В эту же ночь неверные (казаки) произвели в крепости большой шум криками и радостною пальбою, по причине прибытия 1000 казаков вниз по Дону на помощь крепости. Пальба продолжалась всю ночь, так что 700 человек турок было убито. На следующий день хан крымский и паша силистрийский поставили стражу у Дона, дабы предупредить прибытие новых подкреплений неверных.

Были отправлены отряды для фуражировки. Траншеи были открыты в 7 местах и на стороне, где стоит памятник Иогурди-бабы, доведены до края рва. Лагерь мусульман был вне пушечных выстрелов из крепости.

На следующий день Гуссейн-паша велел приготовить 12 больших пушек для атаки в траншеях Иогурди-бабы и в то же самое время адмирал Сейявуш-паша отрядил 100 лодок с дессантным отрядом, вошедшим в траншеи со стороны водяной башни.

Эти лодки охраняли берега Улутона, Деритона, Кандлиджа, Узеги[10]) и острова Тимура. Выше водяной башни войска анатолийские вошли в траншеи с 8 большими пушками и с 10 полками янычар; 6 полков и войска Карамании были поставлены в траншеи близ южных ворот; в траншеи же при западном предместьи Талак, губернатор Силистрии Канзаан-паша, поместил 10 полков янычар, 1 полк оружейников и 1 полк артиллерии с 10 большими орудиями. А так как неверные со своей стороны стреляли, то страшная борьба продолжалась до зари в течение 7 часов с невероятным шумом и криками. Утром было найдено убитыми 700 мучеников мусульман, имущество коих поступило в казну.

Огонь снова начался и городские постройки рушились, но стены, построенные генуэзцами, все еще держались. Так прошло 7 дней бомбардировки, во время которой главнокомандующий постоянно ходил по траншеям, ободряя мусульманских воинов словами и заботясь обо всем с благоразумием. Так как были сделаны разные бреши, то несколько отчаяных охотников вошло в одну из них без приказа и водрузили оттоманское знамя на стену. Казаки, видя это, бросились на них в большом количестве и подавили многих из них, сбрасывая на них тяжелые корзины. Однако, остальные так хорошо защищались, что оттоманское знамя под конец было водружено в 7 пунктах, в сопровождении магометанской молитвы.

Неверные, собравшись с силами, и ворвавшись подобно стаду свиней, с криком „не бойсь“, побросали вниз мусульманских победителей, так что большое число знамен и трупов остались в брешах. Но мусульмане утешились мыслью, что им предназначено торжествовать в какой нибудь другой день; потому-то 10 дней спустя неверные подверглись снова тревоге.

4 тысячи казаков, явившиеся на 40 лодках на помощь крепости, были встречены Канаак-пашею пушками, так успешно действовавшими, что казаки потеряли бо-

[1]) Начальник округа янычар. Кана — город в Малой Азии.

[2]) Главнокомандующий морскими и сухопутными силами под Азовом.

[3]) Преувеличено, до 10.000 донцов и 4.000 запорожцев.

[4]) Санжак — батальонный округ.

[5]) Ейский лиман.

[6]) Кубанская степь.

[7]) Феодосия в Крыму.

[8]) Июля.

[9]) Высшие чины турецкой армии.

[10]) Турецкие названия Азовского побережья.

лее тысячи жертв, а мусульманам досталась богатая добыча, которая помогла переносить лишения.

Нас обрадовала мысль о близости общего приступа — из всех башен крепости осталась только одна; все прочие превращены были в прах 70 орудиями. Но неверные подрывались под землю, подобно Фергадам,[11]) таким образом снова укреплялись, так что всякая попытка взорвать их миною — ими была устранена. Выкопаную землю они бросали в воду. Будучи также весьма искустными минерами, они не переставали делать мины под рекою, с помощью осмоленмх лодок. Таким образом они ослабляли действия оттоманской армии 40 дней, в течение которых, несмотря на большую бдительность, многие неверные умели пробраться из крепости и в крепость, бросаясь голыми в Дон и плывя под водою на спине с камышом во рту;[12]) оружие и амуниция их складывалась в кожаные мешки, которые они тащили за собою и таким способом доставляли помощь крепости. Для предупреждения сего мусульмане заперли Дон частоколом, через который не было проходу даже рыбам и тем набирали много вещей неверных. Казаки, потеряв теперь всякую надежду на помощь, продолжали подземную войну, убивая большое число осаждающих.

Распространился слух, что московский царь приближается с 25-тысячным войском и хотя слух этот и был только выдумкою неприятеля, тем не менее, произвел большое замешательство. Все начальники собрались на военный совет, где учли, что взятие крепости оказалось невозможным, хотя не осталось целой ни одной стены; что следовало ожидать бунта янычар, не обязанных оставаться в траншеях более 40 дней; что с наступлением зимы Азовское море замерзнет, сообщение прервется и что флот, после дня Кассима (26 октября) будет в большой опасности; что армия останется без приюта и без провизии, имея на севере — землю неверных, а на востоке и юге — солончаковые степи Гейгата. После долгих обсуждений всех этих обстоятельств, Канаан-паша и Пиале-ага, начальник арсенала, предложили назначить генеральный приступ на следующее утро...

По прочтении Фатиха (первая глава Корана), ради этого решения, вся армия чрезвычайно обрадовалась. Ей были розданы: 7·000 мечей, 2·000 щитов, 2·000 мушкетов, 5·000 луков, 40·000 стрел, 6·000 аллебард, 5·000 гранат и много оружия других родов. Пушки гремели с семи сторон и крики: „алла!“ отзывались по всем степям Кипчака.

Мусульмане вторглись в крепость и проникли до центра ее, где водрузили знамя и провозгласили молитву Ислама.

Пушки тогда умолкли и раздавался только звук мечей. В течение 7 с половиною часов мусульмане свирепствовали в замке, как волки против овец и были запачканы кровью подобно мясникам. Это была полная победа, с которой только могут быть сравниваемы победы при Могаче и при Коссове.[13]) Остальные неверные скрываясь под землю, поднесли огонь к минам и отправили, таким образом на тот свет большое количество атакующих; другие били их из бойниц, так что мусульмане были доведены до крайности.

Но, по наступлении ночи, победители были истощены голодом и усталостью, чауши звали их обратно, увещая отложить окончание дела до следующего дня. Они взяли с собою огромную добычу, всякого рода оружие и 3·000 голов неверных, да еще 1·600 пленных. Был сделан общий залп и турецкие мученики были похоронены, по прочтении над ними надгробной молитвы. Раненые и изувеченые получили награды и были переданы на руки хирургов. Пред'явителям голов выдавались росписки на 100 пиастров, а те, кто брали пленных, могли считать их за собою. Были розданы знаки отличия, земельные наделы и всякого рода военные награды. Имущество 700 убитых янычар было записано в казну. Из воинов, действовавших со всех 7 сторон атаки 1·200 мусульман сделалось мучениками и возошли в рай.

В эту ночь неверные напрягли все свои силы для исправления укреплений замка, сооружения стен, рытья рвов, постройки бойниц и прицела пушек. Основание замка уподобилось стене Гог и Магог, к величайшему страху мусульман, которые, утешая себя, говорили, что „человек предполагает, а Аллах располагает“ и дело свое поручили воле Аллаха.

Осаду продолжали, но уже не с таким единодушием как прежде, хотя с неменьшим рвением. Оставалось не больше 40 дней до Кассима и по этой причине был созван новый военный совет. На совете постановили поручить Герей-хану с 70 тысячами регулярного войска и с 200 тысячами конницы отправиться опустошить казацкие владения.

Хан выполнил это поручение и на 24-й день возвратился в оттоманский лагерь под Азов с добычею, представлявшею 40 тысяч пленных и 200 тысяч лошадей, да кроме того много ценных вещей, шуб, богатой одежды и т. п. С приходом хана, сердца мусульман облегчились от грусти, видя торжественное шествие с пленными в оковах и крестами, перевернутыми вниз. Со времен Чингисхана, татары не делали добычи, богаче этой. При виде этого шествия, неверные в замке так возопили, что крики их слышны были на далеком расстоянии.

В ту же ночь 70 голодных, несчастных неверных бежали из замка и были представлены гланокомандующему Гуссейн-паше. Некоторые из них приняли ислам и получили подарки, а затем вместе с прочими были отправлены в замок Херос-кермен близ Азова.

При огромной добыче все стало в оттоманском лагере чрезвычайно дешево, так что можно было купить лошадь за пиастр, девченку за 5, а мальчика за 6 пиастров.

Благополучное возвращение татарской армии было отпраздновано пальбой из ружей и из пушек с зажжением огней во всем лагере в продолжение целой ночи.

Но так как зима приближалась, то на снова состоявшемся совете, с участием начальников как регулярных войск, так и татар, единогласно, 300 везирей и начальников различного чина, подписали постановление, в котором констатировали, что овладеть крепостью в в том году было делом невозможным; что один из главных казацких городов разрушен; более 70 тысяч неверных пленено и более 100 тысяч убито.

В то же время двое из пленных были посланы обратно в крепость об'явить, согласно данному им наставлению, что турки могли бы, в течение месяца, при желании, взять крепость, но что настоящею их целью было опустошение казацкой земли, дабы проучить неверных и возвратиться с богатой добычей и что именно эта цель ими уже достигнута.

В ту же ночь были отправлены гонцы в Стамбул. В это время мороз достигал такой силы, что все мусульманские воины отчаивались его переносить и пришли к заключению, что солончаковые степи Гейгата столь же не милостивы, как и Черное море.

В конце концов, когда не осталось сомнения в невозможности овладеть крепостью, армия решила внезапно снять осаду. Затрубили в трубы. Артиллерия и амуниция были погружены и отправлены в Белосарай, где еще флот стоял на якорях. Армия отходила разными путями, частью сухим путем, частью морем. Некоторые возвратились в свою родину Черкесию северным путем через степи Гейгата.

При отплытии падишахского флота в Стамбул, главнокомандующий Гуссейн-паша, разрешил мне сопровождать крымского хана в его земли. Султанский флот ушел, уповая на Аллаха, вдоль Азовского моря.

Я покинул Азов с войском Герей-хана, состоявшим из 80 тысяч человек и из 20 тысяч неверных молдаван и валахов, вместе с ними переправился через Дон, впадающий в северную оконечность Азовского моря. По причине мелководья переправа не вызвала трудностей; вода достигала только до стремян, а татары привязали вьюки и поклажу к хвостам своих лошадей. По истече-

[11]) Ferhad — герой турецкой романтической поэмы.

[12]) Военный прием, широко практиковавшийся у запорожцев.

[13]) Турецкие победы закончившиеся порабощением Венгрии и Сербии на сотни лет...

нии 22 часов, вся армия была уже на противоположной стороне.

При урочище Биребай, против Азова, с западной стороны, протекает рукав Дона к Азовскому морю, разделяясь на 3 канала. Так как этот рукав протекает долго через камыш, то вода его не очень сладка, а прибрежные жители отличаются болезненно-желтоватым цветом лица с наростом или зобом на шее.

Вся армия тут остановилась на прекрасном лугу, и 300 лошадей были зарезаны и с'едены в тот вечер. Тут я в первый раз ел конину. Хотя я состоял при хане татарском, но пребывал у Киаия-бега, племени Максурлы, юрт которого находился в Крыму. Именно ему принадлежал округ Манкис-эли, близ Гезлеве.[14]) Татарские лошади очень жирны и мясо их едва можно отличить от мяся диких коз, и легко переваривается.

На следующее утро бубны загремели и мы прибыли, после 9-ти часового перехода, к реке Сют,[15]) через которую армия перебралась. Затем мы остановились на ее берегу, но по причине его болотистости, 100 лошадей и 50 невольников утонуло. Река Сют берет свое начало в западных горах страны казаков и впадает в Азовское море. Иначе она называется Молочною рекою, по беловасому своему цвету, происходящему от различных минеральных известковых слоев, через которые она протекает. Для питья вода не годится, вызывая, у тех кто ее пьет, наростание зоба. По обе стороны этой реки лежат 70 земледельческих поселений и деревень, находящихся в состоянии не слишком цветущем, по причине частых набегов и грабежей крымских татар. Эти местности принадлежат казакам.

Отсюда мы дошли до быстрой реки Миус, через которую переправились с трудом в эти холодные дни. Все оружие было сложено в кожаные мешки. Вода в реке свежа, как в Дону, Днепре и Дунае; водится там отличная рыба. Течет она из северных гор казацкого края. Когда, на следующий день, после нашей переправы, бубнами проиграли сигнал к дальнейшему походу — снег покрывал землю на 3 кубыша.[16]) Эту ночь мы провели в снежной степи Кипчака,[17]) а на следующий день прибыли к местности Бурумбай, где снова ночевали на снегу. Еще через день, после 16-ти часового перехода, мы достигли пределов Крыма.

При нашем в'езде в крепость Арабатскую, прибыл из Стамбула посланец великого визиря Кара-Мустафа-паши, Кара-Реджиб-ага, с двадцатью конвойными, но немедленно возвратился с письмами хана в Стамбул, везя печальную весть о невозможности взять Азов.

Вместе с ханом я, бедный Эвлия прибыл в Бахчисарай, где мне назначили для жительства дом на берегу ручья Чурюк-су. Там я провел спокойно зиму, не выезжая в степь.

Все-же хан, в предупреждение, чтобы неверные не послали подкреплений в Азов, 3 раза выходил с 40 или 50 тысячами татар под самые стены Азова и возвращался с пленными. Его визирь, Ходга-султан, также совершил 3 набега во внутрь казацких земель и возвратился в Крым с 10 тысячами невольников и богатой добычей.

В начале весны приехал вельможа высокой Порты Гассан-ага и привез хану 12 тысяч червонцев, приходившихся на его долю в добыче и султанский манифест, в котором говорилось, что на случай хорошей погоды татары должны быть готовы снова выступить под Азов. Хан принял приказ со всеми знаками покорности и доброй воли исполнить свои обязанности. Табуны отогнаны были на 40 дней в степи дабы откормились, и войско снова выступило в поход под Азов.

Казаки, принимая во внимание все свои бедствия, потери и окончательную невозможность отстоять крепость против оттоманского могущества, ее оставили и разбежались со всем оружием и снаряжением в разные другие крепости.[18])

Хан татарский, прибыв к реке Сют, узнал от нескольких пленных, попавших в его руки, о бегстве азовского гарнизона и поспешил дойти до самой крепости. Он в ней не застал не только неверных, но даже ни одной живой твари. Там не осталось ни собаки, ни кошки, ни мыши. Из построек уцелела одна башня генуэзская.

Такие приятные вести сейчас же были сообщены ханом татарским в Стамбул...

13 числа, того-же месяца, оттоманский флот под начальством Джуван-Кануджи-баши, везиря Магомет-паши, прибыл с большим торжеством и нашел крепость пустою. Это, в начале, приписывали какой-то адской хитрости неверных и ждали 3-ое суток. Только на 4-ый день мусульманская молитва была прочитана. Молдаванам и Валахам было приказано очистить крепость, а затем снова ее выстроить. Они, копая землю 3 дня, наконец, добрались до ключевой воды. Все суда занялись перевозкою камня и перестройка крепости началась. В течение месяца 2 башни, превосходившие твердостью прежние генуэзские, были окончены. В крымских историях упоминаются их конструкция и строители. Крепость была об'явлена резиденцией Санджак-бека, подведомственного губернатору кафинскому. В ней был оставлен Беглер-бек[19]) начальником 20 полков янычар, 6 — артиллерии, 10 — оружейников, 7 тысяч татар, 7 — санджак-беков и 12 алай-беков с 26 тысячами человек; 70 больших орудий были поставлены на стенах, 300 меньших — на краях рва. Вся перестройка и обделка крепости обошлась до 5 тысяч кисетов червонцев[20]).

Во время постройки, татары совершали частые набеги на казаков и возвращались оттуда к оттоманскому лагерю с пленными, числом от 15 до 20 тысяч. Пленные продавались по 10 пиастров за голову...

Когда кончились постройки, главнокомандующий Магомет-паша возвратился в Стамбул, а армия была распущена по домам. Я снова последовал за племенем Мансурмы и возвратился в Крым.

---

[14]) Евпатория.

[15]) Эвелия тут путает. Армия хана крымского раньше перешла р. Миус, а потом уже р. Молочную.

[16]) Дюйма.

[17]) Крымская степь.

[18]) Казаки оставили Азов после отказа московского царя выслать помощь.

[19]) Военный и гражданский начальник области.

[20]) 1 кисет — 500 лев, лев 60 коп. серебром. В общем 1·500·000 рублей.

Что говорят Романовы о пятилетке.

Б. в. князь Александр Михайлович поместил в Лондонском „Таймсе“ письмо, в котором подробно освещает вопрос о пятилетке и обсуждает ее будущее.

В письме этом он, как русский, план большевиков о превращении России помощью пятилетки в „могущественную сельско-хозяйственную и промышленную страну“ называет „работой гения“. (Н. Р. С., 28 марта, № 6635).

— Пусть казаки, прочитав этот отзыв одного из Романовых о Сталине, прочитают письми из дому хотя бы в двух последних номерах „В. К.“; пусть по письмам и известиям, получаемым ими самими оттуда, представят себе на минуту, что делают русские большевики в Казачьих Землях для осуществления своей пятилетки во благо Романово-Сталинской Единой-Неделимой, а выводы — пусть сделают сами.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Одарка, выскочившая из за стола в то время, когда муж начал рассказывать о том, как казаки ели жабьи галушки, возвратилась к концу рассказа.

— Що, кінчив вже? Й таке верзе! Хіба можна розказувать про таку погань, як люди їдять. І вареник в рот не полізе.

Вареник! Е, ні! вареник скрізь пролізе, він склизькій, в маслі викупався, та ще з сметаною! Йому, як московському генералові, дорога скрізь без запинки.

— Та так! он бач, і діти перестали їсти.

— Діти? а чому-ж ви не їсте? — обратился отец к детям.

— Та гидко, тату.

— Що гидко? Ні хлопці, до цього привикать треба, мало чого не случиться, як будете козакувать!

В середине разговора подошли еще человека два или три и беседа завязалась общая. Пошли воспоминания о прошлой жизни и разных случаях на кордоне.

Самыми внимательными слушателями всего являются, конечно, дети. Взрослых интересует только самый факт, детвору же — весь рассказ, все детали его. Многого они, конечно, не понимают, а сказанное понимают буквально; услышав от отца, напр., что пластуны — святые люди, может быть какой либо малыш к молитве, которой выучила его мать, прибавит и свою: „Святі пластуни, моліть Бога за нас". Но почему они святые, он поймет: потому, что они страдают, чтобы черкес не зарезал ни их тата, ни мамки. Значит, кто на это дело идет, того нужно почитать. С этих пор у него складывается понятие о почитании всех, кто жертвует собой; что это дело богоугодное; серьезность отношения к козакованию западет в его сердце.

Из этих разговоров малыш узнает, что его батько не всемогущий, как он раньше предполагал, а есть еще и такой, который батьке приказывает; называют его „командиром" и батько его слушает и должен слушать, потому что от этого иногда и беда случается; если не послушать командира, то черкесы всех порежут. Он еще не отдает себе отчета ни о служебной иерархии, ни о военной дисциплине, но семя, корень его западает ему в душу. Правда, есть командир, которого все любяг и почитают; он храбрый, справедливый, любит казаков; но есть и такие, которых казаки не любят, но он опять таки много знает и слушать его надо, иначе — беда. Из этих же разговоров он знакомится с той обстановкой, которая ожидает его на кордоне в будущем; с характером будущей его деятельности; но больше всего его поражает, конечно, геройство и удаль, о которой с такой похвалой и воодушевлением отзываются все рассказчики. Далее, неудачный случай, рассказанный, обыкновенно, с присущим казаку юмором, не остается тоже без внимания. Все подробности рассказа, молодой, почти детский ум, конечно, не запомнит и многих смысла, быть может, не поймет даже и при повторных рассказах, но те черты, которые возбуждают рассказчика в положительном или отрицательном смысле, и которые ярко оттеняются во всех рассказах, остаются в памяти его. Эти черты глубоко западают ему в душу и он старается их повторить и закрепить в своей памяти повторением в играх, не отдавая себе отчета в важности этого акта. По свойству молодой, еще не тронутой житейской сутолокой души, в этом возрасте воспринимается все лучшее, все, что соответствует ее наклонностям, а наклонности, как мы видели, складываются и воспитываются почти с самой колыбели.

Многое, конечно, из слышанного им остается не понятным, но спросить раз'яснения мальчик не решится, чтобы не возбудить неудовольствия отца и старших; до времени оно так и останется непонятным. Но более любопытный выберет время, когда отец будет в более благодушном настроении и обратится к нему за раз'яснением, а в играх проведет на практике это раз'яснение, сделав его, таким образом, общим достоянием своих сверстников.

В итоге, в этот последний период детской жизни хлопцы любят свои игры; они с увлечением и любовью козакуют по своему, восполняя воображением то, что еще не доступно им ни по возрасту, ни по средствам. Они усваивают необходимость порядка и в играх выбирают распорядителя, т. е начинают подчиняться тому, кто лучше распоряжается, но в групповых играх у них появляется и неизвестный им до сих пор „командир", часто действительно выбранный на время игры, а иногда и на все прочее время. Это уже формальное признание превосходства командира. Правда, бывают случаи, что этому командиру, за провинность наложат достаточно и по затылку, но в таком случае надолго, если не навсегда, он получает полную отставку — его перестают слушать, а иногда и совсем изгоняют из своей компании.

Но самое важное приобретение этого возраста — это любовь к своим играм, характер которых определялся тем положением и обстановкой, в которых находилось Черноморское Войско. Эти игры — сколок того, что детям придется проделывать в будущем; сколок, понятый своеобразно детским умом, восполненный детским воображением. Но, мальчики любят эти игры, увлекаются ими. И эта любовь впоследствии переносится на всю ту деятельность, которую судьба готовит для них.

(Продолжение следует).

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(Продолжение).

До сего я касался только тыловой администрации и ее деяний. Но, что же делалось в это время на фронте? Казалось бы, что законное требование вышеупомянутой сотни было задушено самыми беспощадными мерами. Генерал Иванов со своими штабными соратниками как будто бы успокоился; начальник штаба С.-фронта генерал Замбржицкий приступил к устройству зимовой квартиры: рубили капусту, солили огурцы, помидоры, сушили фрукты, дыни и пр. Совсем укладывались сосать лапу в теплом уголке ст. Вешенской.

Раздетый фронт все больше и больше приходил в негодование. Наконец наступили холода глубокой осени, а обмундирование не доставлялось. Появившийся тиф и мороз стали косить бойцов. Ряды быстро начали редеть. Всякие жалобы, просьбы и, наконец, протесты фронтовиков не могли прожечь толстокожую штабную администрацию. Казаки взбунтовавшейся сотни, о которых упомянуто выше, разновременно вошли в состав 28 Дон. полка и своими рассказами о расстреле невинных казаков, о грабежах в тылу, дали новый горючий материал для окончательного воспламенения фронта. Вот это-то и послужило главным поводом начавшихся митингов, братаний и перехода на сторону красных.

Казаки 28 полка, распропагандированные рассказами своих станичников о бесчинствах, которые происходят в тылу, запросили штаб Сев.-фронта о том, почему приведен в исполнение смертный приговор над 12 казаками 1-го Вешенского полка? Штаб ответил: „Через мертвые трупы товарищей марш вперед!".

Казаки, которые не знали уныния, с бодростью переносили до этого тяжести боевой жизни, вдруг охладели, утеряли дух воина и пыл победоносного порыва окоченел. Казаки в обращении с начальниками вели себя вызывающе, приказания стали не исполнятся, настойчивые требования командиров частей с применением дисциплинарных наказаний только увеличивали озлобление. Казаки 28, Вешенскаго, Казанского и Мигулинского полков от неповиновения и митингов перешли к открытому братанию с солдатами красной армии; растерявшиеся командиры метались из штаба в штаб, употребляя все усилия, чтобы спасти полки от окончательного разложения, но было поздно. Жирный росчерк пера членов военно-полевого суда, утвердивших силу смертного приговора над 12 казаками, возымел свое действие.

Вскоре частичные братания превратились в непосредственные переговоры целого участка; красные парламентеры без опасения появлялись в частях Донс. армии. Обескураженные командиры частей, считая дальнейшее пребывание в частях опасным, бросились кто куда попало.

В то же время властью окружного атамана В.-Донского округа генерала Белоусова были созваны экстренные станичные сборы для изыскания мер предотвращения дальнейшего разложения фронта. Сборы были собраны одновременно в станицах: Вешенской, Мигулинской, Казанской и др. по одному и тому же вопросу, а потому я коснусь только сбора в Вешенской, в которой находился штаб С. фронта.

Собравшиеся старики и представители хуторов заслушали доклад станичного атамана, сотника Варламова, о создавшемся положении на фронте, но в то же время потребовали от атамана об'яснения: почему фронтовики митингуют и какие к тому причины? Атаман не смог отвечать на такие вопросы, ссылаясь на свою некомпетентность. Сбор просит тогда генерала Иванова пожаловать на сбор и дать исчерпывающие об'яснения по вопросу о положении на фронте, но последний не идет. Представители станичного сбора категорически потребовали через станичного атамана, чтобы генерал Иванов немедленно прибыл. Генерал Иванов является на сбор и, крича и размахивая руками, обратился к сбору со следующими словами: „Господа, вам что от меня нужно"? Сбор отвечает: „Просим вас доложить нам о положении на фронте, т. к. по словам наших сынов, жизнь которых мы вверили вам, они обращены в толпу оборванцев, которых пожирает эпидемия и стужа зимы". Генерал Иванов ответил: „Я — командир С. фронта, генерал-лейтенант Иванов, по этому вопросу разговаривать с вами не желаю!" Сделав крутой поворот, вышел вон, сопровождаемый криками негодования заволновавшегося сбора. Станичный атаман пытался восстановить нарушенный порядок заседания, но ничего не помогало.

Старики, оскорбленные ответом генерала Иванова, потрясая кулаками в воздухе, покинули заседание и разошлись по домам. На утро, в первых числах декабря, усилием станичного атамана сбор снова был собран, для решения вопросов об'явленных в повестке вчерашнего дня, но представители станичного сбора заявили: „По нашему отцовскому суждению волнение фронтовиков произошло не на почве коммунистической пропаганды, а на почве тех острых недостатков в обмундировании и других предметов, которые ощущает фронт. Правительство же и командование вместо того, чтобы все отдать для тех бойцов, которые безропотно умирают в окопах в холодной степи, горячо заботится о тыловых увеселениях; крик страждущих казаков на фронте не слышен, а с нами, седыми стариками, разговаривать не желают... Так пусть они желаемый для себя порядок восстанавливают сами, а мы уезжаем по домам."

В то время, когда в станицах происходил шум сборов, на фронте, в крестьянской избе, подписывались мирные условия В.-Донцов с красными. А в степи озлобленные казаки ловили переодетых бегущих офицеров, снимали с них погоны, но не препятствовали уходить на юг.

В первых числах января 1919 года фронт полками В.-Донского округа был брошен и казаки, то в одиночку, то вереницами, пешие и конные тащились в свои хутора. Полки же Донской армии, комплектованные из южных округов, с частичными сопротивлениями спешно отступали на юг, бросая различного рода тяжести. Штаб же С. фронта и окружная администрация в бурную зимнюю ночь бежали в станицу Чернышевскую.

10 января 1919 года в станицу Вешенскую в боевом порядке вступил 28 Дон. каз. полк. Урядник Фомин, выборный командир полка и политический комиссар того же полка Мельников приказом № 1 об'явили все учреждения „контр-революционного времени вне закона"; впредь до особого распоряжения, окружной властью считать штаб 28 полка, коего приказания и исполнять.

Наступило время собраний, митингов; замелькали красные значки. Станица на осадном положении. Суетятся адьютанты, отдавая приказания, мчатся отдельные всадники, куда-то спешат конные взводы. Любители же послушать и поглазеть до поздней ночи бродили по улицам, перечитывая заборную литературу приказов, воззваний, прокламаций и т. п. Новые правители в В.-Донском округе хотя и покраснели, но покраснели только по внешности, внутренние же, душевные качества остались те же. Казаки Фомин, Мельников и др., несмотря на то, что они перешли в красный стан, не изменились; с ними можно было говорить на все тоны и лады и, если нужно, выругать напрямик, по казачьи, то и ругали не чувствуя никакой опасности. Всем тем, кто не желал оставаться под красной властью, не возбранялось беспрепятственно перебираться в стан „белых", они даже их снабжали пропускными билетами во избежание всяких самочинных насилий по пути следования.

Те же казаки, которые отступали с фронта без определенного направления, не знали, что делать: идти ли за армией или оставаться. Части не принимавшие участия в переговорах с красными, протестовали против 28 полка (37 Донской каз. полк), но после долгих раз'яснений администрации новой власти, все расходились туда, куда звал голос каждого в отдельности...

(Продолжение следует).

А. И. Литовкин.

Через прошлое — к будущему.

„Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто все вытерпит и хоть ты ему что хочь, а он все таки поставит на своем"...

Гоголь. „Тарас Бульба".

Несомненно, что у казаков вообще, казаков-эмигрантов в особенности, — все сильнее и сильнее ощущается тяга в неизвестном и неопределенном еще будущем к чему-то своему, а в настоящем — остро чувствуется определенное опасение за это будущее. В данный тяжкий момент смущают не только общеизвестные факты крупного исторического значения из прошлого, засевшие в мозгах и в душах казаков, но и отдельные, как будто мелкие, эпизоды из жизни и практики, являющиеся слагаемыми в той цепи обстоятельств, которые наложили ту или иную степень обиды на казачье мышление и куда-то это мышление толкают...

В последующих заметках я имею в виду привести несколько примеров из общественно-казачьей жизни Кубани, об'ективно оправдывающих осторожный под-

ход казаков к их будущему, — пока же, между прочим, ограничусь воспоминанием о „мелком“ эпизоде, в свое время вызвавшем среди казаков-сослуживцев определенной воинской части то глухое недовольство, которое сдерживалось в „доброе старое время“ былым уважением к дисциплине и к людям, старшим в семье, в станице, в части...

Как сейчас вспоминается мне приезд „для пользы службы“ в Закавказье, в Ахалкалаки. Сама природа, как будто, предупреждала, что воспоминание о чем то неприятном прийдется увезти из этого небольшого закавказсого городка: гора „Абул“, расположенная у самого города и отмеченная Элизе Реклю, как потухший вулкан, начала шалить, наведя панику на людей и животных сильными колебаниями почвы и звучными подземными раскатами.

Впечатление от первой встречи и от первого знакомства с природой осталось мало приятное; надо было ждать, — что же принесет знакомство с людьми? Прежде всего я разговорился с моим предшественником, школьным товарищем, которого я должен был сменить, и он сообщил мне, что люди в части отменные. Единственное печальное исключение — исправл. должность старшего офицера — капитан И-в, человек странного и исключительно нервного темперамента. На мой недоуменный вопрос — как в казачьей части определенного рода оружия может быть капитан, т. е. не казак, мой коллега сообщил, что в прошлом капитана И-ва числится „случайное убийство нижнего чина“, лишение чинов, орденов, крепость, — затем — восстановление в чинах и временное прикомандирование к казачьей части, где, по словам моего собеседника, капитан И-в в короткое время с'умел сделать себе оригинальную рекламу: он завел несколько собак крупного калибра и обучил их хватать и таскать, больше терроризуя, чем истязая, туземцев в широких штанах турецкого покроя, снабженных обширной мотней. Так как мимо части пролегала большая дорога, то много туземцев, особенно в период полевых работ, проходили этой дорогой и теряли достаточное количество времени в борьбе с собаками за целость мотни (людей в цивильных костюмах, в казачьих черкесках и в форме солдат местного гарнизона, эти дрессированные собаки не трогали).

Во время этих забав, приписываемых неосведомленными жителями и городским самоуправлением изобретательности людей из казачьей части, проезжал вельможа из Кавказского наместничества и, в порядке ревизии, спросил городского голову-армянина — не терпит ли каких-либо неудобств население от пребывания в городе частей гарнизона. Уставший от постоянных жалоб жителей города, голова поблагодарил за внимание, но откровенно заявил о той „хронической неприятности“, которую творит населению забавляющийся казачий офицер. Последовал оклик: „Здесь, на Кавказе, каждый камешек орошен нашей кровью, а вы смеете жаловаться на невинные развлечения русского человека“... и т. д. в этом роде. Голова умолк; неприятный инциндент был ликвидирован. Через несколько дней не стало и собак. Сделались ли несчастные животные жертвой темперамента самого капитана И-ва, были ли они своей гибелью обязаны распоряжению сановного визитера — неизвестно...

Вскоре мне лично пришлось встретиться и беседовать с капитаном И-вым. Собеседник мой действительно оказался очень мрачным человеком и когда я, между прочим, коснулся слышанного мною сообщения о потехе с собаками и высказал взгляд, что не следовало бы по-пустякам раздражать общественное мнение туземного населения в отношении единственной в большом районе казачьей части, капитан И-в меня успокоил сообщением, что „это“ кончено, ибо он скоро рассчитывает перевестись во одну из „своих“ частей.

Увы, рок судил иначе: командир части уехал в служебную командировку; в командование вступил капитан И-в. Стояла суровая зима. Выпал глубокий снег. Окна казармы и офицерского флигеля совершенно запорошило. От капитана И-ва последовало распоряжение — прислать „толкового“ казака для очистки окон. Чувствовалось, что все в душе открещивались от этого наряда, тем не менее, конечно, казак был немедленно послан. Прошло очень немного времени и деньщик капитана дал знать, что с казаком, присланным для чистки окон, случилось что-то неладное. Повидавшись с капитаном, я узнал от него, что казака он отправил в тюрьму (гауптвахты гарнизон не имел). На мой вопрос о том, что случилось, капитан сообщил, что казак разбил ему метлой рамку (шибку) в окне, а так как быстро достать стекло будет трудно, то он решил наказать казака, а способ наказания у него определенный: он дает виновному 2 зажженных свечи и заставляет держать их у обоих висков. Затем двумя выстрелами из револьвера он эти свечи тушил (капитан был очень хороший стрелок). Если подвергаемый наказанию держал свечи, не дрогнув, виновный от дальнейших наказаний освобождался. В данном же случае, очевидно, руки у казака дрогнули, капитан промахнулся, рассвирепел и избил несчастного до полусмерти, а затем, вместо того, чтобы отправить пострадавшего в госпиталь, направил его в тюрьму.

Вскоре гарнизонный врач сообщил, что положение избитого казака, доставленного в тюрьму, внушает серьезные опасения за жизнь пострадавшего. Поднялась суматоха; рапорты посыпались по разным направлениям, что не могло быть тайной для капитана И-ва.

Вскоре деньщик капитана принес известие, что с капитаном, очевидно, случилась какая-то беда (он услышал выстрел в комнате капитана, но не решился туда войти). Немедленно отправившись в квартиру офицера, я увидел такую картину: капитан сидел на диване, с откинутой назад головой; указательный палец левой руки лежал на анатомическом атласе в области височной артерии, правая рука откинулась на диван и судорожно зажала револьвер; голова была прострелена... Очевидно, вспомнив трагический случай, уже имевший место в его жизни и практике, капитан решил дорогой ценой заплатить за возможность уйти от последствий своего жуткого поступка... К несчастью вслед за капитаном последовал в лучший из миров и молодой казак, ставший жертвой несомненно больной натуры капитана...

Зачем я это рассказал? Конечно, не для того, чтобы через много лет тревожить память покойников. Сделал я это для того, чтобы привести маленький образец из прошлого, когда рознь между „своими“ и „чужими“ не была острой, но все же оставляла в душах посвященных неизгладимый след обиды, ощущение которой стало острее теперь, в годы изгнания, в годы безвременья... Оно и понятно, если представить себе на момент, что человек, подобный капитану И-ву, дослужившись до больших возможностей, попал бы не в отдельную казачью часть, а занял бы высокий административный пост в одном из казачьих Войск в те недобрые времена, когда войсковые атаманы не выбирались самими казаками, а назначались...

Да, трудно не вспомнить то впечатление, которым делились в свое время осведомленные в подвигах капитана И-ва лица: если бы, мол, был свой, казак, такого бы не делал, а если бы и делал, то начальство быстро бы с ним управилось, но... чужой... Ему все можно...

Вл. Куртин.

А сила все растет да растет...

Осенью 15 года мы (пластуны) случайно оказались в одном селе вместе с N-ским Донским полком. Пришли мы в это село ночью, по невылазной грязи, а т. к. все халупы были забиты до отказа прибывшими ранее нас частями, остаток ночи пришлось провести между халупами. Мне и офицерам моей сотни казаки нашли довольно широкую заваленку, под раздерганным кровом руссинской халупы. На этой же заваленке лежало несколько человек донских казаков. Они не спали. Разговор, прерванный нашим вторжением, возобновился, как только мы угомонились.

Всего разговора я не слыхал, но то, что тогда

сказал один донской казак (урядник), своей необычайностью произвело на меня такое сильное впечатление, что я и сейчас буквально точно помню его слова:

„Эта война не кончится войной с немцами, а с русскими". (Урядник сказал: „Рассейцами").

Повторяю, впечатление, произведенное на меня этими словами, было поистине катастрофическое. У меня была выбита из-под ног, казалось, незыблемая основа:

Армия не рассуждает.

А оказалось: р а с с у ж д а е т. Да еще как! И то какая — Д о н с к и е казаки!..

— Где ныне ты, Вещун казачий?..

Где ты, чувством своим предсказавший роковые события?..

Быть может уже в то гнилое, расхлябанное утро успокоилось твое, мучимое недобрыми предчуствиями, сердце.

Быть может — ближайший сосед „Рассейцев" — ты первый повел в бой свои Верхние станицы и — погиб на границе Всевеликого Войска... А м. б. работаешь где у станка... Но, все равно!..

Где-б не был ты, живой иль мертвый:
Спасибо тебе!..

— Даже Донские казаки не отождествляют себя с русскими, подумал я тогда. А процесс какой-то внутренней перетряски, искания какого-то выхода, искания согласованности юношеских мечтаний с реальностью, вернее — с возможностью осуществления тех мечтаний, обозначился еще ярче.

И еще острее, еще больнее впитывал в свое сердце „Думки" моего фельдфебеля Гарбуза.

Этот, типичнейший представитель свободолюбивого, упрямого Запорожья, отличный музыкант, отличный баритон и не менее способный складатель „віршів" был для моей жаждущей, но и сомневающейся души — ранами и ребрами воскресшего Иисуса, которые Фому убедили в бытие Воскресшего...

Чем дальше затягивалась война, чем ближе казазаки соприкасались с солдатской массой, чем ближе узнавали ее настроение и отношение к казачеству — тем далее отдалялись от этой массы, тем отчетливее, резче противопоставляли себя русским; тем острее чувствовали какую-то „нелагодность" в этом русском море...

— Ни сын, ни пасынок, ни —
Вольный Казак...

А что о прошлых своих вольностях казаки никогда не забывали, — факт настолько общеизвестный, что в доказательствах не нуждается.

Из каких д а н н ы х „простой" донской казак вывел заключение, что внешняя война с немцами закончится для Казачества такой же — с русскими!

Что вызвало у казаков то психологическое состояние, да еще накануне боя, которое послужило им основанием для вышеприведенного разговора?..

И как у них должно было быть н е в е с е л о на душе: обслуживать и спасать своими головами тех, столкновение с которыми в конце концов считали неизбежным...

И все же — обслуживали. Умирали. Стоически выполняли свой „долг". Фактически не будучи должны никому...

Я знал каким духом дышет мой Гарбуз. А с ним и вся сотня — то был дух старого Запорожья.

Немного буйный, мало дисциплинированный (в армейском понимании), не связанный никакими ранговыми условностями, кроме товарищества, но и крепкий этим самым товариществом. Мир сам по себе и сам за себя. Без контакта с другими армейскими частями. И не ищущий этого контакта.

Свое участие в данной войне, в составе русской армии, казаки расценивали так же, как и участие своих предков в прошлых войнах. Когда могли и воевать и отойти — в нейтральное. — Этой последней позиции „простые" казаки советывали держаться и в кадетско-большевицко-монархическом кавардаке. Считая этот великороссийский кавардак глубоко чужим делом.

И все же — пошли „на Москву".

И умирали. Исполняли свой „долг". Хотя никто и никогда им не умел растолковать — когда же и кому они так задолжались, чтобы ценою своей жизни нужно было выплачивать тот долг.

Какое то проклятое навождение, точно дымовая завеса, закрыла всю историю Казачества, через которую (завесу) и только через которую всякий не казак, как и оторвавшийся от родной среды казак видит ныне Казачество.

Ведь считают-же еще и ныне некоторые „мудрецы", что казаки —

потомки их беглых рабов.

А „шанхайцы", например, убеждены, что казаки суть „якоря центрального русского правительства".

Правда, более неудачного (для себя) сравнения сибиряки не могли выдумать. Ибо якорь держит корабль только до тех пор, пока сам к нему привязан ц е п ь ю.

А что никакой прочной духовной цепи, которая бы связывала Казачество (якоря) с русским центральным правительсгвом (кораблем) не было, — достаточно убедительно доказал 17 год.

Цепи же принудительные (террор) и по сей день крепко держат казачьи якоря за великосоветский корабль...

И как понятна зависть покойного Ю. Гончарова к кубанцам, „имеющим свой язык!.." Ему — Вольному казаку — даже и общность языка казалась принудительной цепью.

А духовной — не было.

Знают это прекрасно и сами не казаки, но они просто подтасовывают духовную связь, когда им это нужно. Когда, как говорится, до ногтей догорит.

Известно, например, какая „жаркая" любовь была и есть у русских с поляками, и все-же в манифесте к полякам в начале войны нашли „духовную связь".

— Пртив немецких крестоносцев вместе бились!..

Впрочем, нынешние теоретики собирания всея Руси даже и фиговым листом не прикрываются:

Казак, — значит должен спасать Россию.
— А почему Россию, а не свою Казакию? —

— А чорт его знает, — почему!.. Потому что — казак.

Есть у сербов пословица: волка как ни крести — он все в лес норовит.

Вот так и с Казачеством: крести ты его „якорем", парусами, беглыми рабами, служилым „сословием", — оно все в самостийники норовит. Ибо, как для волка лес, так для казака самостийная свободная жизнь — родная стихия. —

— Нет ничего легче, как загнать жабу в воду, говорит другая сербская пословица. А В. К. доказало, что так-же легко „загнать" казака в самостийники.

Что только ни предпринимали неделимцы всех цветов и оттенков, — к каким только приемам ни прибегали, „изничтожая" среди казаков самостийников, а они все растут и растут. В геометрической прогрессии. Как „сила небесная" в былине:

„Отчего перевелись витязи на св. Руси".

Не выступать против самостийников опасно. А выступишь — так обработают, что и сам в самостийниках очутишься.

Как, например, случай с „шанхайцами". Или вот с казачьим Парижем:

Все Добрыни Никитичи там собрались. Сила старшинная. Но как ни рубанут докладом одного самостийника, а перед ними сейчас же два других появляется...

И как хочется сказать всем этим казачьим „витязям":

— О, Савл, Савл, — трудно тебе идти против рожна!

Трудно вам идти против своего народа. Против своего родного Казачества.

Ибо движение наше, самостийность то наша — не плод легкомыслия нескольких интеллигентских голов, а суть сути души казачьей. Сама природа „простого“ казака. А ее никакими хитроучеными докладами не вытравишь. Крепко она сидит в казаке. И, если ее из него не вышибли века, — вам ее вышибить не удастся.

Самостийное движение есть движение осознавшего себя, пробудившегося Вольного Казачества к заветной, святой цели:

Вольной Казакии.

С этого пути оно не сойдет. На этот путь оно зовет и всех „оторвавшихся“.

Думы и мысли.

Алексей Персидсков.

„Младотурок“.

Омыленных коней победный топот,
Сверканье шашек, звон стремен,
Сермяжных пленников последний ропот
И шум развернутых Донских знамен...
Я помню —
Справа по шести, широкими бросками
Шли Калединовцы на смертный бой,
А в переди, держа узду зубами,
Летел полковник Гришка удалой.
Потом —
В коричнивых очках — покойный Гнилорыбов...
Блестящие статьи в защиту наших глав...
К Казакии, без никаких изгибов,
Звал нынешний юрист и доктор прав.
Теперь —
Петра Великого он ревностный поклонник.
Его девиз хоть не остер, но гулок;
Он, легендарный скифский конник,
Теперь — увы — он не казак, а младотурок.

Думы вслух.

В нашей эмигрантской жизни, полной забот и тревог о завтрашнем дне, так мало отрадных явлений, что всякое проявление желания общения между казаками с целью поделиться в своем казачьем кругу, в своей среде о том, какие думы и мысли тревожат и волнуют казачьи головы, является уже светлым явлением на фоне нашего не очень радостного существования. Существования еще более омраченного последним экономическим кризисом и безработицей, которая уже протягивает свои неумолимые холодные щупальцы в те фабрики и предприятия, где были заняты казаки. Одним урезывая и без того скудный заработок путем сокращения заработной платы и рабочего времени, других совершенно лишая работы и заставляя устраиваться так, как каждому заблагорассудится.

Вот в такое трудное время — куда пойдет казак? с кем поделится своей думой невеселою? где будет искать поддержку? — Да только у казака и казаков.

Кто может глубже понять и прочувствовать казачью душу, как не казак? Поговоришь, посетуешь на злыдни, а потом вспомнишь славную далекую старинушку, — как жилось на Тихом Дону, на Кубани матушке, затянешь свою родную песню и на душе как то легко и отрадно сделается, а там, смотришь, из своих кто нибудь, кого еще не коснулась нужда, поможет деньжонками или укажет подходящую работенку, и вновь „зажил“ казак, душа наполняется надеждой и энергией для борьбы... И скажешь сам себе: „Да что мы — не казаки, что-ли!? Живы будем не помрем, многое видели — прошло, а что будет — увидим!“

Но, не одни только думы о том, что живется нам плохо здесь на чужбине, бороздят казачьи головы. Главная и общая наша дума о том, как живется там на нашей далекой Родине тем, кто остался под властью жестоких насильников палачей и которые не видят ни конца, ни края этому дикому сатанинскому разгулу и произволу. А живется там поистине ужасно. Сердце разрывается от злобы и ненависти к врагу, когда читаешь письма „оттуда“. Того сослали, того выселили, забрав все до нитки, без права приюта у родственников или знакомых, которым грозит таже участь за приют, того расстреляли. Не осталось ни одной казачей семьи, в которой с одним из ее членов не случилось подобное несчастье. Выселяют не только одиночек или одиночные семьи, выселяют целыми хуторами; есть на Дону хутора, где ни осталось ни одного казака, в них живут новые поселенцы из центральной России, русские люди — братья по крови, строящие свое „коллективное“ счастье на несчастьи и разорении Казачества.

Как же не задуматься над всем этим казаку? И казак уже не молчит больше здесь, в эмиграции, казак начинает поднимать голос в защиту тех, чьи жизни теперь зависят от произвола коммунис. палачей.

Начинает, как бы случайно, по „глухоте“ своей отзываться рус-эмигрантская печать. Ничего, скоро заговорит иностранная, тогда может „глухота“ спадет. А нам, казакам, нужно только верить в наше правое дело и в самих себя. Среди нас найдутся люди, которые укрепят эту веру и покажут путь, по которому должно идти Казачество для достижения его заветной цели.

И вот, когда пробьет грозный исторический час (а он может пробить раньше, чем мы это думаем). И мы снова получим возможность вернуться в наши родные края, где на развалинах большевицкого владычества придется строить новую нашу казачью жизнь. Здесь возникает вопрос: с чем мы должны придти? — Какой материал мы принесем для стройки новой жизни? т. е. с каким духовным багажем мы явимся на Родину и предстанем перед теми, кто остался там? Ведь настоящая жизнь совершенно не похожа на ту, которую мы оставили 12 лет тому назад. Если она по сообщениям оттуда и по печати кажется невероятной, то когда мы явимся туда, она нам будет казаться чудовищной. Первое, с кем придется столкнуться нам, это — новое поколение, воспитанное в новом духе, нахватанное, напичканное коммунистической марксистской идеологией, с новым миросозерцанием, и морально изуродованное и духовно развращенное. Что мы противопоставим этому новому поколению, чтобы „наставить его на путь истины“? Силу? — Нет, этот способ теперь не применим. Те времена, когда отцы „учили“ своих сынов перед станицей, ушли в вечность. Теперешний сын не поколеблется ни минуты убить своего отца и сделает это со спокойной совестью, не думая совершенно о последствиях, ибо он так воспитан. Что же в результате? — кровь... и снова кровь? А этим воспользуются только наши враги. Нет, не силу надо будет противопоставить этому отравленному коммунистическим ядом молодому поколению, а разумное влияние и перевоспитание его в духе здравого и ясного понимания задач и целей жизни. Значит, интернационалу мы должны противопоставить любовь к Родине и наше казачье самосознание — этот священный пламень, который мы должны донести туда неугасимым. Безбожию — свободу вероисповеданий и уважение к религиозному чувству каждого человека. Бесправию — право, основанное на уважении к личности каждого гражданина. Одним словом, все то, над чем так цинично надругались большевики, что попирается ими с жестокостью, должно быть восстановлено в сознании нового поколения, в сознании каждого казака. А самое главное, в основу нашей идеи мы должны вложить то, что Казачество является таким же равноправным членом среди славянских народов, населяющих

территории быв. Росс. Империи, а потому имеет право на независимое Госуд. существование. Казачество есть нация, а не сословие, и эта нация должна вновь возродиться для своей политической и государственной жизни.

Вот с этой идеологией мы должны возвратиться из эмиграции и в ее духе перевоспитывать новое поколение. Это одна из главных наших задач.

Часто приходится слышать из уст казаков такие слова: „Зачем нам политика? не нужно политики, это политика нас довела сюда".

Как это глубоко не верно. Не политика нас привела к эмиграции, а незнание политики ни руководящими сферами Казачества в прошлом, ни самим Казачеством в общей его массе.

Если бы наши руководители были опытными и дальновидными политиками и защищали истинные интересы Казачества, то быть может наше положение было бы совершенно иное.

В этом отношении мы должны брать пример у нашего врага — большевиков, политика которых сыграла большую роль в нашем поражении.

Не будем закрывать на это глаза.

Для организованной политической борьбы с таким противником, каким является наш противник, не избегать надо политики, а, наоборот, — учится политике. Казак-гражданин должен быть мудр как в жизни, так и в политике, ибо житейская мудрость, т. е. знание и приобретенный опыт в жизни ведет к улучшению благосостояния личности, а знание политики т. е. государственной мудрости ведет к благосостоянию и благоденствию страны, гражданином которой он является, т. е. Казачества, судьба которого должна быть в его собственных руках.

А. Тульцев.

Тоже казачьи думы.

Надеюсь, эта короткая заметка не будет сочтена за „ругань", а будет расценена как „спокойная полемика". Ниже речь будет идти о статье проф. Маркова, напечатанной в газете „Послед. Новости" от 7 февраля с. г. № 3608. В этой статье названный профессор кратко говорит о том, что было им сказано на собрании казачьего клуба 18 января, но именно кратко. Здесь он совершенно не затрагивает экономического положения Казакии, которое является одним из мощных факторов безбедного существования государства. Может быть он постеснялся в печати вывести то заключение, которое сделал на собрании, что казачество де от богатства задохнется, а может быть он скажет об этом в другой статье, которую обещает написать.

В начале статьи г. Марков говорит о неудачной „гражданской" войне, но этих неудач не об'ясняет, а отсылает к тому, что уже об этом написано. Тут, как нигде в другом месте, было бы уместно добавить и то, что говорил профессор на собрании казачьего клуба 18 января, а именно: ...„а здесь, в казачьих краях, сам народ поднял борьбу с большевизмом и сам народ занялся государственным строительством на началах демократического народоправства; со стороны же русских только отдельные лица из бывш. „привилегированных" вели борьбу с большевизмом, побуждаемые реставрационными помыслами". Тут нужно добавить или вернее пояснить, что казачество вело борьбу за свое освобождение, за свою государственность и, если проиграло эту борьбу, то только потому, что вступило в соглашение с отдельными личностями, которые преследовали личные цели. Такое суждение г. Маркова нельзя не признать правильным, как и то, что со стороны казаков сам народ участвовал в борьбе. Участники первого похода хорошо помнят факт, подтверждающий то, что со стороны казаков боролся именно народ. Было это в апреле месяце 1918 г., когда в станицу Успенскую (на Кубани) прибыла делегация от восставших донцов. Состав ее был 10—12 человек, преимущественно урядники и казаки. Эти посланцы народа поведали кубанцам о причинах, побудивших их к борьбе, о целях, какие преследовались этой борьбой. Они говорили: безбожники-пришельцы давят нас так, как еще никто не давил (значит, давили и раньше Е. Я.). И вот порешили, что жить нам с ними вместе больше нежелательно, желаем жить сами по своему казачьему укладу, как жили предки, были свободными, сильными и властными на своей казачьей земле. Такие аргументы звучали убедительно, тем более, что говорили это простые казаки; основных законов В. В. Д. тогда еще не было, а посему и нельзя сказать, что де это отражение прочитанного, а вот кажется другое, что на основании этих настроений и писались основные законы В. В. Д., а не так, как утверждает г. Марков (да и г. Мельников не раз об этом говорил), что конституция не соответствовала настроению казаков. Вот тут немного непонятно, разве только допустить, что над членами Круга было допущено насилие при составлении конституции, говорившей о демократическом народоправстве? Но вряд ли тут имело место насилие. Над Кубанской Радой было произведено насилие, но как известно для того, чтобы та отказалась от народоправства...

Из статьи г. Маркова видно, что казачью эмиграцию волнуют вопросы будущего отношения России и Казачества, но ответ на этот вопрос дает сам же автор, но несколькими строчками выше, а именно: „стоит присмотреться к казачьей эмиграции, что все будущее казаки ставят в обязательную связь с этим прошлым, со всем тем, что было сделано во время гражданской войны". Наличие этого ответа, приведенного автором раньше вопроса, казалось бы должно исключать дальнейшее рассуждение. Мне, самостийнику, весьма приятно признание такого рода. Да вот именно: „в обязательную связь с этим прошлым", а это прошлое, т. е. созидательная государственная работа вытекала тоже из прошлого исторического и права самостийников, которую признает и проф. Марков, зиждется не только на основных законах В. В. Д., а на историческом прошлом, на „казачьей седине", на которую так неудачно сослались дальневосточные казаки, не подозревая того, что казачья то седина и говорит нам о былой казачьей вольности, о его суверенном существовании.

Хотя сам автор проф. Марков и дает ответ на свой вопрос об отношениях Казачества к России и ответ как раз такой, который и следовало бы дать и который как раз говорит о том, — о чем говорит и Вольн. Казачество, тем не менее я тоже хочу ответить на этот вопрос; отношения Казачества к России будут такие же, как и к Украине или Чехии. Весьма ошибочно думают многие, что самостийники — это люди, которые только и мечтают о том, чтобы причинить зло великорусскому народу. Откуда это видно? Какие доказательства? Разве, если самостийники поставили себе целью спасти казачество, воссоздать казачье государство, сохранить казачество физически и морально, то отсюда можно делать выводы, что это значит — желание зла великорусскому народу?! Фарисейское мышление. Это только они, толкуя ветхозаветные заповеди Бога, решили, раз дается заповедь любить ближнего, то следует ненавидеть врага...

Рассуждая дальше по тому же вопросу, автор статьи, г. Марков, придает совершенно неожиданный оборот своим сужденям. Ведь всякую мысль логически можно довести до предела и тогда это будет абсурд, бессмыслица; так вышло и здесь. Вот что написано у проф. Маркова: „Но можно ли, при разрешении поставленного нами вопроса (об отношении Казачества и России Е. Я.) исходить из текста Донской Конституции? Мне думается, если к этим формальным доводам прибегают для обоснования своей точки зрения самостийники, то это делается в пылу полемики"... Здоров жи-вешь! Не знаю, что к этому можно добавить. Если я в своих действиях ссылаюсь на закон или на основании того же закона обосновываю свои действия, — так это оказывается... полемика. Г-н Марков, позвольте! в этой же статье, несколькими строками выше Вы говорите: „Стоит присмотреться к казачьей эмиграции (очевидно, разумеется вся казачья эмиграция. Е. Я.), чтобы убедиться, что свое будущее казаки ставят в обязательную связь с этим прошлым, со всем тем, что было сделано во время гражданской войны". (Я вернулся второй раз к этой цитате по двум разным

причинам и внимательный читатель это поймет). Раз „в обязательную связь с этим прошлым“, то следовательно и с основными законами В. В. Д., значит понятно всем, что казачья эмиграция не желает поставить крест на своей прошлой творческой государственной работе. Самостийники это давно знают и тоже говорят, что будущее казачества в его историческом прошлом.

Дальше проф. Марков говорит: „если принять во внимание искрение увлечения части казаков вопросом лучшего устройства казачьих краев, то уход, отдельных групп в самостийничество был понятен“. Здесь рассуждения проф. Маркова очень правильны и логичны; добавить ничего нельзя, разве только подтвердить, что самостийники преследуют цель лучшего устройства казачества, цель эта ясна казакам, почему наши ряды, ряды самостийников, все время пополняются казаками, видящими, что ни на Милюковых, ни на Керенских их будущего не улучшить; в этом сознается и сам проф. Марков, говоря: „для многих казачество — только особое военное сословие, подчиненное центральной власти“...

Напрасно искать причину „появления среди казаков самостийничества“, — как будто самостийность явилась во времени, теперь, — иными словами, как будто бы было время, что этого явления не было. Это не так.

Стремление казачества сохранить свою самостоятельность оставило в истории глубокий след. На все давления центральной власти, казачество всегда реагировало и порой довольно чувствительно; и после февральской революции казачество не выдумывало, как ему устроить свою жизнь, а просто, на основании истории, принялось за государственное строительство, результатом которого и явилась хотя бы Донская Конституция.

В статье г. Маркова имеются некоторые мысли весьма логичные и доводы резонные, что приятно для казаков, думающих о лучшем казачьем будущем, но в конце статьи эти мысли как то своеобразно „балансируются“. Он говорит: „нельзя отрицать возможности, что и в будущем повторится обстановка, имевшая место в казачьих краях во время гражданской войны. Можно предположить, что казачьи края еще переживут период государственной самостоятельности и может быть это будет полезно в общерусских интересах“*)

Значит, выходит так: — казачество должно все делать в „общерусских интересах, т. е. жить самостоятельно, если это требуется „общерусским интересам“, и перестать быть самостоятельным государством тоже в „общерусских интересах“. Позвольте, а где же интересы Казачества? Нет, простите, я, как казак, хочу, чтобы свои казачьи интересы соблюдать, — при том в первую голову, а потом уже интересы соседа, к тому же, если эти интересы не приносят прямого вреда казачеству.

Многострадальное казачество добивается своей самостоятельности в своих интересах; к этой ясной и желанной цели ведет В. К. и уж, конечно, не мечтает, что делает это в „общерусск. интересах“, а в интересах казачества и не для временного существования, а для постоянной самостоятельной жизни на благо и счастье вольного казачества в его свободной демократической Казакии.

Еф. Якименко. *(Франция).*

P. S. Я немного задержался с этим ответом, ожидая что г. Марков напишет ответы на вопросы: Нужно ли для казаков при таких условиях образование самостоятельной Казакии? Если не нужно то как следует разрешить вопрос о положении к-ва в освобожденной России. (Освобожденной от кого? Е. Я.)

Еф. Якименко.

*) Разбивка моя Е. Я.

Господин Редактор и Вольные Казаки!

Говорю Вам: Христос Воскресе, Христос Воскресе, Христос Воскресе! и отвечаю — Воистину Воскресе, воскресе тот, кто был распят и умерщвлен, но дух Его остался жить — и Он воскрес.

Нашлись и те, кто растлили там и наше казачье тело, но духа не убили, он живет среди нас здесь... И хочется верить всеми силами своей души, что придет время — воскреснет и Казачество еще в большей славе и могуществе.

Да, подчас ночи не спишь — ходишь, как лунатик, и думы думаешь о распятом Казачестве. Одне сменяются другими: то грустные, то ласкающие, в которых видишь, что — искра Вольного Казачества может дать большое казачье пламя. А затем, опять размышления — боязнь, а вдруг это пламя, не получив своевременно достаточно горючих веществ, — угаснет, потухнет, — при наличии пожарных...

И эти мысли рождаются оттого, что международные события — полезные нам — быть может уже не за горами, возможно что это может случиться завтра, а мы то, Вольные Казаки, к этому дню готовы? Нет!...

Вот уже четвертый год, а мы не сорганизованы, у нас нет главы, у нас нет Вождя; правда, есть политический штаб „Вольное Казачество“, но у него нет реальной силы — компактной массы, на которую могли бы в нужную минуту опереться наши дипломаты; иначе — они никакого веса иметь не будут. Не яркий ли показатель нам — события на Кубани в 19 году? Рада, в руках которой судьбы ее народа, наполнена полит. деятелями, которым была известна душа казачьей массы, ибо она их выбирала... Но, не на кого им было опереться, не было организованной силы, не было своей армии... И с этим верховным судилищем не посчитались — поступили так, как хотели, даже не побоялись повесить Кулабухова...

Предположим, что события развернутся, — если вообще мы их ждем, — завтра, через неделю, месяц, не знаю, когда... А мы, повторяю, не готовы и будем просить тогда их, обождать, пока мы сделаем Вольноказачий с'езд, да выберем себе вождя и поручим ему организовать крепкий кулак-силу, для поддержания авторитета наших политических деятелей.

Не явимся ли мы тогда туда, где нам нужно быть, с таким опозданием, что места для нас там уже не окажется?

Пришел час освобождения моей родины Казакии, скажите мне, что я, вольный казак, должен делать?... Куда я должен идти?... В чье распоряжение?... Кто мной — боевым материалом — должен руководить?... Так я рассуждаю потому, что не имею собственной организации, а кругом уже давно готовые — тоже казачьи военные организации и они тоже зовут казаков под свои знамена. В такой момент, казак сидеть не будет, он пойдет, но куда?... Кто — в Донской корпус, кто в Кубанскую дивизию и Терскую бригаду, где пропитаны Миллеровским духом, которые и поведут казаков по указке Общевоинского Союза.

Попробуй тогда обновить командный состав, попробуй тогда сказать им, что по духу я — вольный казак и иду умирать только за свою Казакию, а не за Россию.

Никто и не узнает, как пошлют тебя в безвозвратную командировку... И только... По вине самих же вольных казаков, станешь невольным и все душевные твои мечты и цели пойдут на смарку.

Разве эти казачьи военные якоря Российского корабля вместе с Парижским воинским союзом переваривают нас?... Конечно нет, они готовы каждого в отдельности с'есть. А когда мы будем так же сорганизованы как и они, если не крепче, тогда с нами будут разговаривать, а наши дипломаты чувствуя за собой хороший кулак, смелей будут идти к намеченной цели.

Тогда мы будем готовы, не только на завтрашний день, а можем выступить и на час раньше.

Увидев, что у нас налицо сильная организация, которая способна неостанавливаясь ни перед чем, идти к намеченной цели — Свободной Казакии, бороться за

счастье своего народа, придут к нам и те из невольных казаков, которые сейчас не с нами... А для нас не нужно будет тогда идти к ним.

Я хочу крикнуть, хочу сказать, хочу чтобы Вы, вольные казаки, знали и мою тоскующую душу, которая проникнута желанием как можно скорей сделать с'езд, избрать Вождя, указать ему путь и поручить его штабу организации Вольного Казачества и с военной точки зрения, — назвав их (безразлично): отделы, станицы, хутора, ячейки или дивизии, полки и тому подобное. И вот только тогда, я, рядовой вольный казак, буду знать свое место... И только тогда я с пользой могу принести свою жизнь на алтарь Казакии.

Сейчас чуть не в каждой „невольной" казачьей печати твердят: прочь политику от казака! Я был бы счаслив и не разсуждал бы, если-бы мы, носящие одно имя — казаки — были одного духа, одинаковых убеждений; но, к несчастью, мы духовно разно воспитанные. Одни жаждут над собой опеку наказных, а другие — свободных Войсковых Атаманов... Только поэтому, — и оглядываясь назад, — я не должен слепо идти за теми, которые мною будут достигать противную мне цель, а потом, достигнув ее, разве дадут они мне рассуждать...

Деникин еще было и не окреп, а начал уже „реорганизовать" кубанских народных представителей, а что было бы, если-бы он нами взял Москву — сорганизовал русскую армию, а наши казачьи части под командой русских якорей распылил бы по империи?... О, тогда он „рассудил" бы нас присылкой наказных атаманов, это с одной стороны, а с другой: разве нам не пример „гражданская" война в Казачьих Краях, когда начальники наши умалчивали, скрывали, ни слова не говорили о политике?... И мы потерпели поражение, а те большевики — враги наши, где политика была на первом месте, — остались победителями.

Конечно, меня осудят, поняв, что я говорю против Войсковых Атаманов. Это не неправда...

Скажите — кто еще может так защищать, как вольный казак, прерогативы Войскового Атамана?...

Независимый — Войсковой Атаман, его правительство и народные законодательные органы — это есть мой символ, это есть мой идеал. Личность — дело другого рода, как например: куда меня поведет Атаман Богаевский?... — в лоно Миллерово... или — впредь до...

Братья, вольные казаки, быть может подобные мысли моей простой казачьей души в Ваших глазах и будут неправильными, но эти думы казака так складываются — Воистину — для — Воскресения Казачества... Свободного — Независимого... под знаменем общей матери нашей Казакии.

А. Тырин. (Германия).

О Всеказачьем с'езде.

Как в частных письмах, так и в вольноказачьей печати мне не раз приходится встречаться с разговорами и соображениями на эту тему. Никто почти не находит такой с'езд не желательным, а разговор идет только о том, кто созовет такой с'езд и как созовет.

По моему, при этом, станичники упускают еще один важный вопрос: для чего созывать, т. е., что может дать этот с'езд казачьей эмиграции и как, а во-вторых — не совсем вникают в трудность такого созыва.

Если бы какая-нибудь группа взяла на себя инициативу созыва такого всеобщего с'езда, то с первых же шагов натолкнулась бы на вопрос: кого приглашать? Одни будут говорить, что надо созывать бывших членов Круга, другие будут говорить — представителей теперешних, существующих заграницей организаций. А по моему и то и другое не будет представлять из себя подлинных и полных представителей казачьей эмиграции.

Есть масса казаков еще не организованных или не имеющих этой возможности организовываться. Как быть с ними? Значит указанные два типа представительства на с'езде не достаточно полно представляли бы казачью эмиграцию. По моему, с'езд был бы полновесным, если каждые 50, 100 или 200, скажем, человек, независимо от нахождения или ненахождения в организации, избирали бы по одному представителю на с'езд.

Если даже эти спорные пункты были бы преодолены, то возник бы еще другой вопрос: кто и от чьего имени будет созывать с'езд? Т. е., я хочу сказать, что неизбежно возникнет момент политический. Если, скажем для примера, с'езд будут созывать та или иная организация, то другие организации, не признающие ее, ведущие с нею борьбу, придут? Нет. Следовательно с'езд будет не „Всеказачий", а только — с'езд такой-то группы, что уже не то.

Но все это вопросы так или иначе преодолимые. Но есть по моему совсем в наших условиях непреодолимый вопрос. Это — средства на такой с'езд. Откуда и кто даст деньги на такой с'езд? Ведь надо принять во внимание, что на такой с'езд потребуется минимум такая сумма: допустим, что нужно будет выписать сто пятьдесят делегатов, выбранных на местах, положим в Париж, это на два конца пути для каждого по 1000 франков (допустим, что 50 человек будут из самой Франции и на них потребуется в среднем франков по 200) всего значит — 110000 франков. Сюда надо добавить квартиру дней на 7 в Париже — 10000 франков, да на довольствие добавить франков по 20 на душу — 20000 франков, да наем помещения для заседания, да другие непредвиденные расходы. Одним словом тысяч этак 150, 160. Таких денег никто нам, конечно, не даст. Разве наш Атаман и Правительство?.. Как бы не так. Следовательно, если во что бы то ни стало нужен был бы с'езд, надо натужиться самим казакам. А готовы ли казаки, каждая группа, откомандировать одного на свой счет? Думаю, что едва ли. А потом, где найти эти свободные 150 казаков, которые на целых 10 дней могли бы располагать свободой, когда каждый из нас живет по часам и минутам? Да еще надо же найти не только свободного казака, но надо еще с мозгом, чтобы соответствовал, значит. Это вопрос тоже очень трудный, а вдруг если этот выбранный скажет: „обеспечьте меня на эти десять дней еще заработной платой, кроме всего прочего." Может быть, и резон. Значит, в таком случае надо набавить еще тысяч 30. Вот и все 200 тысяч!

Ну, допустим что все это нами казаками преодолено. Но зачем будем устраивать такой с'езд, для чего, что он нам даст и какие такие важные проблемы он разрешит? Чтобы с'ехаться поговорить и разойтись, или какие-нибудь резолюции выносить?.. По моему, никакой с'езд в данном нашем положении ничего не даст и мы даже не сумеем его и созвать. Так и нечего его и затрагивать. Если Казачество хочет что-то сделать для своей судьбы, если оно хочет помочь тому или иному политическому движению, стремящемуся к пользе казачьей, то надо прежде всего об'единяться и дружно, морально и материально это движение поддерживать. Мы, казаки, еще не имеем своего печатного органа, исключительно нами выдерживаемого, самоокупаемого. „Это надо знать и безусловно понимать". А с с'ездом пока погодите.

Ш. Ниминов.

Спор.

Этою зимою, по дороге из Тырново, пришлось мне в вагоне натолкнуться на довольно горячий и неприятный спор. Спорили четыре человека, из которых я сразу двух признал за казаков (потом, при знакомстве, они оказались из одного со мною отдела и близких станиц).

Казаки перед великим праздником Р. Х. имеют обыкновение ездить в город за кое-какими покупками. Так и на этот раз; и эти казаки захотели побывать в Софии, купить себе что-нибудь по дешевке да и столицу кстати посмотреть. Случайно, одновременно с ними, из той же местности выехали в том же вагоне двое русских. Это были капитан Метелкин и подпоручик Тряпкин. Сидя все четверо в одном вагоне, они вступили в разговор и перешли на спор на политическую тему.

Вхожу в их вагон и вижу: молодой казак стоит с полузасученными руками и кричит: „Смотрите, если вы ишшо што-нибудь позволите говорить в нашем присутствии за Вольное Казачество, так я вас вмиг из Тряпкина превращу в Анучкина!" Тряпкин не успокаивался,

трясущимися руками, лезет в мешок и вытаскивает оттуда журнал „Россия“ №. 7 и, тыча казаку в лицо, громко читает, говоря, что: „ваш Атаман признал, что казаки это — неразрывная часть России“. Но казаков, оказывается, тоже наделил в Софии дедушка Лопух нашим родным „Вольным Казачеством“ и один из них резким жестом вытаскивает из кармана „Вольное Казачество“, и, потрясая журналом говорит: „Э! что там эта „Россия“, вот наше „Вольное Казачество“ все ясно сказало и это нам понятно“.

Казак все больше расходился и волновался, не стесняясь в словах. Наконец, расдосадованный капитан приказывает ему замолчать, „как старший в чине“. Приказание капитана действует на казака, как огонь на масло. Наступая на капитана, он стал кричать: „Я, вольный казак, подчиняюсь только есаулам, а не каким-то капитанам, а что касается тахтичней изражаться, то смотрите, чтобы не вышло прахтичней“!

После таких „серьезных“ заявлений, Тряпкин и Метелкин спрятали свою „Россию“ обратно в мешок и, отвернувшись, замолчали.

С. А. Гринкин.

Поздравления с праздником Пасхи.*)

Христос Воскресе!

Дорогие братья Казаки!

Донская Станица в Париже поздравляет всех Вас с высокоторжественным Праздником светлого Христова Воскресения и от чистого казачьего сердца желает скорейшего Воскресения Казачества. Будем верить и надеяться, что Казачество, неся незаслуженные тяжкие муки и лишения, подобно Христу, воскреснет и заживет своей жизнью привольной в своей подлинной Родине Матери-Казакии под своим высоко и гордо развевающимся Вольно-Казачьим знаменем. Над нами, братья казаки, все наши враги здесь глумятся, смеются, а там — просто уничтожают нас. Но мы перенесем все невзгоды, упорно стремясь сплотиться в одно мощное целое, оставив в стороне наши мелкие разногласия. А когда мы будем едины, то никакие наши враги не помешают нам достигнуть своего идеала.

Воскресший Христос поможет и нам, казакам, сбросить с себя и тяжелый крест и терновый венец.

От своих отцов мы знаем, что: „На Бога надейся, а сам не плошай“, поэтому всем нам, казакам, надо дружно и энергично работать, чтобы не „сплошать“. Чем скорее мы организуемся в станицы и хутора с лозунгом „Судьба Казачества в Его собственных руках“, чем скорее доведем свою работу до Общеказачьего С'езда, тем ближе будет наше Воскресение и тем скорее мы прекратим потоки крови наших братьев казаков и сестер казачек, обильно проливаемые в наших Родных Краях русскими большевиками.

Да хранит Вас Господь, братья казаки, на многие лета!

Донская станица в Париже.

Ст. Атаман **Лысенков.**
Ст. Писарь **Колесов.**
Ст. Казначей **Тульцев.**

Христос Воскресе!!!

Поздравляем Вас от имени казаков Донцов, Уральцев и Кубанцев с праздником Святыя Пасхи, от души желаем здоровье, счастье и благополучие Дай Бог, чтобы с светлым праздником Воскресения Христова, у многих наших лидеров воскресли атрофированные старым прошлым умы, и соединились бы во едину партию для освобождения своего Родного Края и своих мучеников, которые лишены этого удовольствия приветствовать друг друга, и произносить эти священные слова.

Христос Воскрес!

Ф. Пятибратов (Донец).
И. Винников (Уралец).

7. IV. 1931 г. Польша (Беловеж).

Поздравляем Вас и редакцию Вольного Казачества и всех вольных казаков с праздником св. Хр. Воскресения и от всей души желаем, чтобы будущий светлый праздник встретить у себя на Дону — Кубани — Тереке. А время это не далеко, потому что поднятое Вами казачье знамя так высоко и зажженный факел так горит жарко и светло, что казаки разбросанные по всему земному шару начинают тянуться к этому маяку и при свете его начинают узнавать друг друга и этим самым начинается сглаживание между собой разногласия. За это Вам чистосердечное казачье спасибо.

Правление и вольные казаки Видинской казачьей станицы.

Атаман **И. П. Корнеев.**
Писарь **В. Плешаков.**

Многоуважаемый г-н Редактор!

Поздравляю Вас и сотрудников Ваших с Высокоторжественным праздником Святой Пасхи.

Христос Воскресе!

От души желаю Вам и сотрудникам Вашим здоровья, сил в тяжелой борьбе за восстановление дорогого всем нам Вольного Казачества!

Читая „Вольное Казачество“, Оренбуржцы начинают прозревать...

С казачьим приветом, казак Оренбургского войска

И. С. Константинов.

28 марта 1391 г. гор. Харбин.

Христос Воскресе!

Снова мы, казаки, проводим дни Светлого Праздника на чужбине... Опять с особенной тоской сжимается наше сердце при воспоминании о родных станицах, хуторах, и благовесте далеких церквей.

„Да воскреснет Бог и расточатся врази его! яко исчезает дым, да исчезнут“... „Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение“!... Эти победные кличи и гимны от времен тысячи лет поет христианский мир в священную ночь, в этот „праздников праздник и торжество из торжеств“.

О чем говорят эти заветные, с детства знакомые и волнующие слова теперь, когда силы зла и смерти царят над казачьим народом? Когда Новочеркасск и Екатеринодар жутко молчат и в будни, и в праздники, и даже в эту исключительную, светозарную ночь... Когда отнят у Новочеркасска и Екатеринодара пасхальный звон, поющий колоколами, переливающийся огневой лавой будто спустившейся с неба звездной реки, когда злодейскими руками остановлена эта тысячелетняя мистерия, — что переживает теперь казачья душа, когда поют Христос Воскресе?

Дням Светлого Праздника предшествует страстная неделя — неделя мук Христовых. Как почти две тысячи лет тому назад Сын Человеческий испытал нечеловеческие страдания, так теперь мучается и страдает весь Казачий народ. Но мы, сыны этого народа, находящиеся в изгнании, верим, что за днями мучений и страстей наступят дни Воскресения.

Вера в это воскресение Казачьего народа является нашим символом Веры.

Наступит день, когда мы в родных храмах встре-

*) От ред. Из-за недостатка места, редакция не может поместить всех полученных ею к празднику приветствий. Помещаем поэтому по одному из каждой страны.

тим Светлые Праздники и радостно воскликнем: Христос Воскресе!

Нет у Казачьего народа в целом ничего другого, так широко, так глубоко об'единяющего, никаких бесспорных политических гимнов. И все должны молить судьбу и желать, чтобы воскресение Казакии прошло под знаменем — Христос Воскресе!

Свет Воскресения Христова озарит многострадальную Казакию! С глубокой Верой в это я и приветствую в дни Св. Пасхи всех казаков словами искреннего, старого Пасхального приветствия:

Христос Воскресе!

В. Орехов. (Морава)

Казачья эмиграция.

Безработица во Франции.

В городе Лионе да и вообще во Франции наступило тяжелое время-безработица. Первыми кандидатами на это несчастье оказались мы — эмигранты и армяне. Увольнение рабочих по фабрикам началось в октябре 1930 года. До нового года оно усилилось.

К концу января кое-где рабочие возвратились на свои маста, но к 1 марта предположения фабрикантов не оправдались — заказов фабриками не получено, а за сим началось срочное сокращение. Тем, кто еще держится на местах, сокращено число рабочих часов или число рабочих дней в неделю. Есть такие условия: 5 рабочих дней в неделю по 7 с половиной часов в день, а то и просто два три дня в неделю.

Среди казаков этого района до 1 января насчитывалось безработных около $^1/_3$, но к 10 марта в числе безработных было уже около половины здесь проживающих. Многие уволенные с фабрик бросились на фермы, где удалось многим устроиться сносно, а кое-кто и радуется.

Многие же казаки, к тому же еще семейные с детьми, вот уже 3 месяца существуют только при поддержке станичников или знакомых, имеющих работу. Например такой случай: Дмитрий С. (Кубанец) женат на черногорке, имеет ребенка и ждет второго в недалеком будущем, с ноября месяца остается без работы. Из провинции приехал в город Лион в надежде найти работу, но приехал на безработицу. Остановился на квартире, где раньше поместились много его знакомых (в маленьком общежитии). Денег — ни копейки. Все израсходовано в поисках работы, за квартиру платить нечем (180 фр. в месяц). Конс'ерж дома — кубанец станицы Пашковской В., кое-как с квартирой ему помогал, но ведь кормиться же надо. Кубанцы, работающие в этом районе по силам помогали ему в этой нужде. Решили столоваться у С., покупая продукты с рассчетом кормить и его семью. И тут кое-кто помог деньгами. К 15 февраля приезжает еще один кубанец, (хороший друг С.), женатый и двое детей. Все из'ездил в поисках работы и напрасно. Он надеялся здесь найти хоть какую-нибудь поддержку со стороны своего хорошего друга С. Группа столующихся взяла и эту семью на свое иждивение до устройства отцов на работу.

Человек предполагает, а случай приходит нежданный. 11 марта фабрика без предупреждения расчитывает и кормильцев, остается работать только 3 из них на условиях уменьшенных рабочих часов. Хватит ли силы побороть это несчастье?

Т. Х.

О безработице в Лионе.

Огромный промышленный г. Лион в настоящее время переживает тяжелый затяжной экономический кризис (с проистекающими отсюда последствиями, както: безработица, дороговизна и т. д.).

Безработица текущего года (1930-31 г.г.) вряд ли может быть сравниваема с безработицей (1926-27 г.г.), ибо эта безработица является следствием мирового экономического кризиса, между тем безработица (1926-27 г.г.) была вызвана совершенно другими причинами.

Ноябрь 1930 г. является первым по времени месяцем, когда было оффициальным образом констатировано, что безработица налицо. Сначала единицами, потом десятками, сотнями, различные мелкие фабрично-промышленные заведения начали расчет рабочих, увольняя их без воможности получения работы в ближайшем будущем. Несмотря на такой угрожающий признак, крупные фабрики и заводы продолжали вести спокойно работы, однако до поры, до времени...

Первым из крупных заводов, давших трещины в этом направлении, явился Tubiz (большая фабрика, производящая выработку искусственнаго шелка из целлулозы). Мало по малу на этой фабрике было уволено до 65% рабочих основного состава, обслуживающаго фабрику. Лион — являясь мировым центром шелкового и красильного-обрабтывающего промышленного производства, имеет целый ряд огромных фабрик и заводов, предназначенных для последней цели.

И вот все эти фабрики произвели не только сокращение рабочих часов в дне, рабочих дней в неделе, но и произвели массовые увольнения рабочих, главным образом, конечно, иностранцев.

Заканчивающаяся сейчас в г. Лионе знаменитая Лионская ярмарка не принесла с собой для местной шелковой и красильной промышленности ничего утешительного.

Безработица сильно затронула и местную электрическую промышленность, представленную крупными фабриками, рассчитанными на производство моторов, трансформаторов, досок-распределителей, электрических лампочек, электрических утюгов, электрического оборудования и т. д. Все эти заводы произвели, как сильное ограничение в количестве часов рабочей недели, так и частичные увольнения персонала. Не мешает однако отметить, что электрическая промышленность находится в более лучшем положении перед шелковой, хотя и в ограниченном размере, но на местных электрических фабриках имеются еще невыполненные заказы в Южную Америку, сов. Россию, французские колонии и т. д. В этом году электрическая промышленность потеряла главного заказчика — французское министерство железных дорог, отменившего все сделанные ранее заказы, в виду определившегося за 1930 год дефицита в размере 2 миллиард. фр. Сообразно этому и местный вагонопочиночный завод вынужден был произвести увольнения почти на одну треть своего основного состава рабочих.

Автомобильные заводы, вырабатывающие дорогие автомобили, несмотря на успех автомобильного салона (выставки) осени 1930 г. в Париже, принуждены были значительно сократить свое производство (в смысле часов) и произвести урольнения персонала.

Подобная же картина представляется на химических заводах, где рассчитаны главным образом иностранцы.

Положение без перемен можно наблюдать только в разновидностях производства местной металлургической, а также текстильной и керамической промышленности.

Общая картина от безработицы, царящей в Лионе, рисуется в следующих чертах: безработный кризис — безусловно затяжной, на это указывает, как состояние экономического рынка, так и продолжительность периода (ноябрь 1930—март 1931 г.г.), наблюдающийся все время рост безработных в городах и относительная неорганизованность общественной помощи безработным.

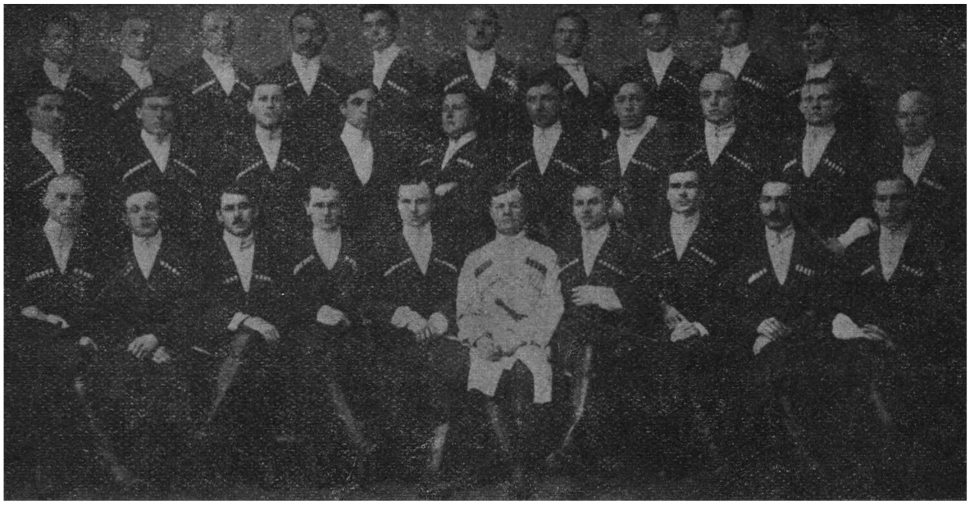
Ряд мер ограничительного характера, принятых французским правительством и парламентом, определил ясно и точно положение иностранных рабочих. Меры эти следующие: 1) Ограничить в'езд иностранцев во Францию, не имеющих денежного обеспечения.

2) Высылать незамедлительно всех иностранцев, представляющих собой „тягость" для государства. 3) Лишать работы всех иностранцев, у коих обнаружатся какие-либо непорядки в бумагах, дающих право на работу во Франции. 4) Произвести строгий контроль касательно права на работу у иностранных рабочих. 5) Увольнять на заводах и фабриках в первую очередь иностранных рабочих. 6) Ни в коем случае не принимать на заводы и фабрики иностранных рабочих. 7) На полевые и летние сельско-хозяйственные работы принимать только французов.

Местный Лионский муниципалитет разработал и провел ряд мер, касательно помощи безработным, но опять таки главным образом французам.

Заканчивая на этом настоящее краткое сообщение о безработице в Лионе, нужно отметить, что здесь имеется известное количество и безработных казаков. Последние в свою очередь разделяются на состоящих в организациях и не состоящих: те, которые состоят в организациях казачьих, получают от последних посильную помощь, те, которые не состоят, находятся в печальном положении...

Н. Д-ков.

Кубанский В. хор в С. Америке (фотография 1925 г.).

Терско-Кубанская станица в Нью-Йорке.

Перевыборы должностных лиц станицы, которые должны были состояться после Нового Года, затянулись из-за переговоров с новообразовавшейся здесь Общеказачьей станицей относительно об'единения этих организаций в одну казачью организацию в Нью-Йорке. Когда выяснилось, что переговоры ожидаемых результатов не дадут, Терско-Кубанская станица назначила на 22 февраля Общее собрание, на котором перевыборы не состоялись и были отложены на следующее собрание. На этом собрании был принят в состав станицы согласно поданного заявления и постановления собрания Кубанский Войсковой хор под упр. есаула Соколова, который, имея своей штаб-квартирой гор. Чикаго, уже несколько лет успешно дает свои концерты в Соединенных штатах, раз'езжая для экономии времени и денег по обширной территории Америки на своих собственных, специально для этого приобретенных автомобилях. Несмотря на то, что хор находится здесь с 1926 года, интерес к его выступлениям со стороны американской публики не ослабел, что само собою говорит за то, что в художественном отношении хор попрежнему стоит не высоте своего положения.

В следующее воскресение 1 марта состоялось другое Общее Собрание Терско-Кубанской станицы на котором состоялись перевыборы станичного правления и ревизионной комиссии. Перед выборами председатель рев. комиссии Р. Глухов сделал доклад о деятельности правления за истекший период, который был сбором единогласно принят и после этого состоялись перевыборы должностных лиц станицы.

Новое правление было избрано в таком составе: Станичный атаман Ф. А. Перьков (ст. Михайловской, Терской Обл.); помощник атамана А. И. Колесников (ст. Спокойной, Куб. Обл.); писарь И. Д. Маслевцов (ст. Михайловской, Терской Обл.).

Ревизионная комиссия: Председетель комиссии Р. А. Глухов (ст. Ессентукской); члены: И. Ф. Пасгавский, И. И. Троянов, В. И. Попов.

После перевыборов сбор в лице своего председателя поблагодарил за работу старых должностных лиц и после этого один из присутствующих внес предложение о необходимости помочь больному кубанцу Ал. Півню. Собрание отозвалось на этот призыв и тут же была собрана некоторая сумма денег, которая и переслана по назначению в Югославию.

После закрытия собрания частным образом обсуждался присутствующими вопрос о подыскании для станицы своего помещения, где можно было бы иметь квартиры для членов станицы, свою столовую, читальню, — вообще иметь свой казачий угол, где могли бы почаще встречаться казаки. Вопрос этот уже назрел и будет поставлен на повестку дня следующего общего собрания станицы.

М. Черныш.

В Смедерево.

На масляницу с. г. казаками кубанцами, с участием украинцев, в гор. Смедерево был поставлен спектакль. Ставили „Невольника", напоминающего седую старину. Прошедшие перед глазами картины сильно подействовали на казаков. Даже и у присутствовавших братьев сербов не удержалась слеза на глазах, в особенности когда „батько виряжав свого сина Степана в Січ", передавая ему старческою, дрожащею рукою любимое оружие для борьбы с врагом.

Хороши были декорации — станица с гордо поднятым куполом, садами и полисадниками.

Грусть, навеянную спектаклем, разогнали казаки своими национальными песнями.

Я. Негреев.

В Братиславе.

29-III-31 состоялся сбор студ. хутора О. К. С. С. в Братиславе, на котором было постановлено реорганизовать хутор, превратив его в Общеказачью станицу с названием: „Общеказачья станица в Словакии", с центром в Братиславе. Причина реорганизации — окончa-

ние членами хутора В. У. Заведений и раз'езд их по разным местам Республики.

В состав правления станицы оказались выбранными следующие лица: И. С. Бойко — Атаманом; Парапонов и Чекунов — помощниками его; И. И. Безуглов — писарем и М. В. Минаев — казначеем.

А. П.

В Софии.

15 марта в гор. Софии (Болгария) донцы, кубанцы и терцы после литургии отслужили в бывшей посольской церкви панихиду по павшим вождям Казачества, а в 4 с половиной часа вечера были сделаны два доклада: первый терцем Малаховым о жизни, деятельности и трагической смерти Терского Войскового Атамана Караулова, а второй — кубанцем Я. И. Лопухом на тему: „Вожди Казачества".

Последний доклад начался с основателя Запорожской Сечи Дмитрия Вишневецкого (Байды) и окончился героем кубанцем генералом Бабиевым. В числе слушателей были и не казаки. Когда докладчик обрисовал картину „руйнования" Сечи, зверское отношение русских царей и правителей к Кошевому Петру Кальнишевскому, убийство Рябовола, казнь Кулабухова, то кой кому из слушателей не особенно приятно было слушать правдивые слова докладчика, но возражений не последовало.

(Соб. кор.)

Группа казаков кубанцев и украинцев в Вел. Бечкереке. Посредине (вправо) — атаман К. Паливода.

Письмо в редакцию.

М. Г., г. редактор! прошу дать место на страницах В. журнала следующим строкам.

Как готовятся к выборам в С.-Х. Союзе.

Наступает время собрания членов Пражского района Сельско-хозяйственного союза для выборов уполномоченных на с'езд.

Обыкновенно в такое время организации проявляют большую интенсивность: готовятся к выборам, обсуждают кандидатуры и т. д. Но ничего подобного не наблюдается в подготовке к собранию членов Пражского района Сель.-хоз. Союза. Тишина и спокойствие на Краковской 8... И все говорит за то, что будто бы выборы эти очень далеко. Хотя законный срок их уже наступил.

Поэтому подозрительность постепенно овладела душами казаков. Не кроется ли за этой тишиной и спокойствием желание „руководящих верхов" Союза тайно подготовиться к собранию, сосредоточив только угодных себе членов, и таким образом, избавиться на собрании от тех казаков, которые могли бы принести им неприятность и нарушить долголетнюю тишину на Краковской с ее бесконечными разговорами и неизбежным питьем чая.

Правду говорят о силе и могуществе его величества случая и не менее правду о том, „что нет ничего тайного, чтобы не стало явным".

Подозрительность многих казаков имела основание и она оправдала себя неожиданным фактом. Напротив помещения союза, на Краковской улице есть ресторан. В этом ресторане, в правом углу, у окна, 7 апреля в 6 часу вечера сидел г-н Васильев с тремя казаками.

Г-н Васильев, читая список членов союза, разбивал его на казаков „хороших" и „нехороших". Здесь же говорили они о дне, часе и месте собрания. И, наконец, подошли к самому интересному: к рассылке повесток членам союза. Вот тут и проявил свои „недюжинные политические способности" г-н Васильев.

Что может быть проще для того, чтобы избавиться от нежелательных членов Союза на собрании? — Просто, не послать им оповещения о собрании. И, когда один из казаков (очевидно, самый скромный) заявил г-ну Васильеву: „А не может ли это кончиться неприятностью, если эти казаки узнают о том, что им умышленно не были посланы повестки, то г-н Васильев ответил: „Так это же не express, который сдается под расписку, и таким образом они не смогут проверить — посылались им повестки или нет." (Г-н Васильев хотел сказать, очевидно, recommandé, но сути это не меняет).

Теперь нам понятны тишина и спокойствие на Краковской 8...

Константин Поляков.

Еще один.

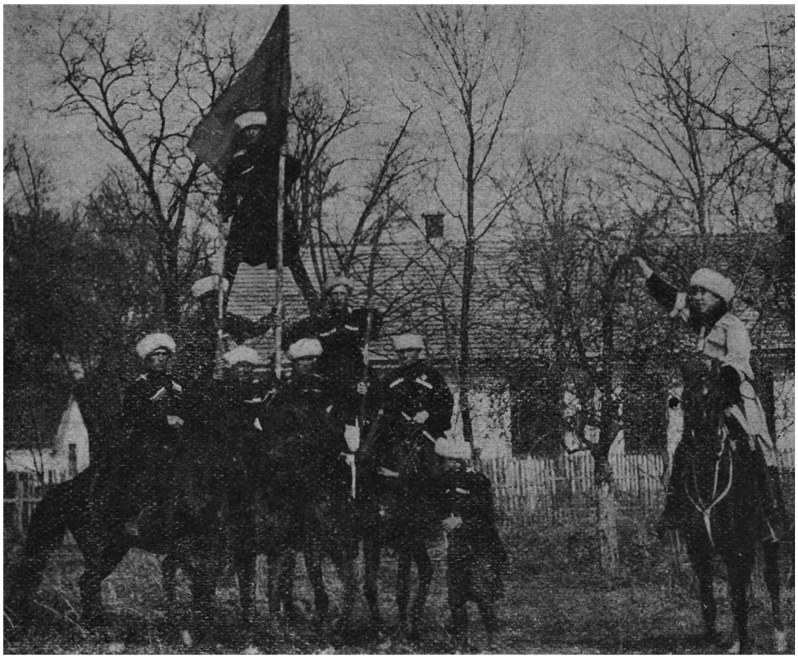
20-II-31 года, в гор. Вильно от несчастного случая скончался есаул Борис Петрович Сухов, казак В. В. Д.

Панихида была отслужена на 9-й день в храме Св. Николая группой казаков и казачек, проживающих в

гор. Вильно. Покойный всю войну с большевиками провел в первых рядах бойцов за свободу родного Края. И здесь, за границей, в условиях обыкновенной эмигрантской жизни одинаково горячо любил свой Край и был готов каждую минуту исполнить свой долг гражданина казака перед седым Тихим Доном, но преждевременная смерть вырвала его из наших рядов.

Спи спокойно дорогой станичник. Оставшиеся в живых исполнят свой долг.

Инж. **С. Тулаев.**

Джигиты подхорунжего Пьянова в Югославии.

В Казакии.

На путине.

Ночью ко мне пришел человек и вызвал меня на волю.

— Ветер переменился, — сказал он в темноте.

— Какой это ветер?

Я обратил лицо к ветру, дувшему порывисто штормово.

— Это моряна, — сказал он, — рыбный ветер. Моряна гонит рыбные косяки к устью Волги. Как только утихнет ветер и станет тепло, рыба войдет в дельту, и тогда она наша.

Я пошел за ним по берегу промысла. Уныло и односложно пели калмыки на тоне, вытягивая невод.

Калмыцкие эти песни и русские песни — их поет дельта в пору лова, в пору путины; шаг за шагом подвигается берегом лямочник, волоча пятной кол — начало сети, и перехват за перехватом выбирают сеть ловцы на тоне, пока тяжелым серебряным грузом не подведут они к прорези — рыбу. Тогда кипит вода, тогда — плеск, тогда — хруст, и сотнями, тысячами центнеров рыбы наполняются прорезь за прорезью. Прорези эти ведут буксиры сквозь ночь к промыслам, и рано поутру начинается выливка рыбы, рыба заливает серебряным половодьем плот, и из прорезей поднимают крюки сильные, стремительные тела оглушенных белуг и сородичей их — осетров и севрюг.

Дует ветер, рыбный ветер — водитель косяков. Косяками идут по Каспию вобла и сельдь, косяками заходят в дельту, чтобы полечь в сетях.

Каспий в весну непогодлив, его швыряют шторма, разбивающие косяки рыбы, и люди на промыслах и на тонях обращаются в барометры, ибо ветра дующие с моря, гонят рыбу к реке, и ветра, дующие в море, мешают ей войти в банки и ерики.

Банки и ерики — разветвления Волги, заповедники рыбных богатств, пестующие одно за другим поколения молоди. Вызрев в них, скатывается молодь с полой водой в Каспий — на волю. В дельте Волги — на тонях и на море — выходят в путину тысячи ловцов на лов. Оханный лов в море, лов скипастями и распорами, далекие экспедиции к островам Долгим, куда пошло в эту путину семьсот рыбацких посуд — за долгинской сельдью, шествие стоечных лодок, подчалков, реюшек и рыбниц, — все это путина, весеннее половодье, веcенний единственный месяц.

Человек идет со мной ночью по промыслу. Мы слушаем песни калмыков. Я вижу их сгорбленные под тяжестью сети плечи, они стоят по пояс в воде в своих огромных пропитанных дегтем бахиллах, они волочат добычу, и добыча эта — ежегодный дар моря, дважды в год дарят нас его недра, дважды в год устремляется рыба в дельту Волги к своим перестелищам метать икру.

Человек говорил мне: — раньше думали, что всякая рыба — проходная рыба.

Проходная рыба, это та рыба, которая заходит в реки метать икру. Никто не верил, что есть морская сельдь, которая не заходит в реку и которую десятилетиями, надеясь на ее заход, пропускал человек. Сельдь эта — долгинская сельдь, в прошлом году впервые вышли на дальний ее лов, к островам Долгим.

И он долго говорит мне о том, как в путину одаряет море, как вода кипит над рыбными косяками, с каким неистовством устремляется сельдь для икрометания — и как в 17 в. никто не ел эту сельдь, потому что рыбу эту считали бешеной, и ее называли „бешенкой". Только чуваши и мордвины ловили ее мережами и продавали по пять или шесть копеек за сотню. Века прошли, и на месте далекого поверия предков выросли ватаги — рыбные промысла, рыба, называвшаяся „бешенкой" — стала называться сельдью, эта сельдь создавала богатства, миллионные состояния рыбников, имена которых до сих пор еще помнят на Волге...

За ночь ветер пригнал в дельту рыбу, моряна дула весь день, на плоту поутру увидел я нескончаемое серебро живой рыбы, путина была в разгаре, а за воблой — должна была двинуться сельдь.

(*В. Лидин.* — „Прожектор".)

Из писем оттуда.

Здоров, потомок Бульбы!

Давненько не видал твоих я строк желанных, но, вот, на праздник, на Рiздво, старенька бабуся, с смеющимся лицом и слизистыми глазами пришла просить сыночку весть писнуть в ответ. Конечно, и слезы и радость все в ней смешалось в кучу. Ну вот, в конце концов, составил ей письмо; думаю, что ты поймешь мои там шутки и голос матери узнаешь.

Давно хотел писать тебе, но здоровье слишком слабо, расшаталось так, что капут весной себе определяю; если зимой чахотка душит, то весной, конечно, доконает. Хотелось, мой братишко, увидеться с тобой хоть на миг, хоть слов десяток сказать тебе, а там... хоть смерть, хоть вечная могила, не все ли равно! Писнул я, брат, в Америку Ивану, чтоб он тебя весною ждал, а у самого сердце сжалось от зависти: Иван увидит Якова, а я? Эх! затанцював бы с горя, да ноги подкосились, „укатали сивку крутые горы, да тяжелые годы."

Посмейся теперь, брат, над седым казаком, а ведь в былое время и я героем был великим — да что теперь вспоминать! Ведь ты же смеялся сам, что я в холуи сидеть остался, а я вот вишь живу и, хоть смерть цепляется за кости, а я хочу конца всей этой песне мировой дождаться.

Мне хочется узнать: когда же все мы засмеемся? У нас, вот тут „Промпартию судили" и пишут, что весь свет войной идти хочет на нас, а я, по стариковски, так сужу: „кабы свести на драку генералов да коммунаров без народа, да посмотреть, у кого скорее... посыплются из г., а тогда по зубам дать и тем и другим, да жили-б без войны".

Одни хотят царя, другие хочут согнать всех в коммуну, чтобы вновь владеть народом, как помещики владели, и брешут, что в этом самом деле и есть народная свобода. А люд-то, бедный люд!.. Он хочет жить без той уздечки, что ему на бороду суют; он хочет жить, как жили когда-то мы, казаки, чтоб водовоз был равен пану, но уздечек нам, ни царских, ни других не надо.

Бежит сейчас хозяин от земли в работники, в наймиты, а на полях воют волки. Свободного куска нет хлеба, а что же будет дальше?

Но, я, наверно, много набузил и как бы письмо это не порвали; но да все равно, пусть рвут, а время сделает свое дело... Прости братишко, до свиданья...

З Кубані пишуть:

... Ти думаєш — ми справді так бідно живемо... Ні, купити конверта знайдеш за що, та тільки нігде купити, — усе нищиться, скуднота на все. N. та М. намічені на переселення, а потім і ми. Х. зараз теж хорий дуже, мабуть теж піде „на той бік", — там зараз ліпше жити... Зараз, голубе, усім добре жити...

... Ми поки на місці, Х. також, та на осінь, здається, і нам припаде... N. та М. уже в Астраханській губернії... а відтіля приїхали комуністи, вже пошти половина ставропольців та астраханців, а наших там... Живуть по хатах висланих. Наші діляться по групах, що торік вислали: мужчини в Мурмані по берегах Білого моря, на Уралі, — Пермь, Тюмень і т. д., розігнані усі, а сімейства в Ставропольщині понад Маничем, — цілі села. Дехто з сімействами на Уралі... Одна група ще сидить до суда, а сімейства дома. Єсть іще у З. на станції, сидять там ідосі, бо погрузки немає. Кожний захватив що нужніше. — Хліб, барахло, обстановка, зрідка по коняці брали й по корові. А було й так, що сами люди погрузилися, а те все осталося на станції, навіть і хліб зостався. Та група, що наші грузились, багато брала всього, що в кого було, та тільки од станції трудна доставка, багато дечого пропаде, там сильна грязь і далеко та й перевозка на свій щот, — грошима платять, а в кого немає — мукою. М. теж взяв корову й сидить ідосі на станції. Н. уже на місці в селі, в одній хаті з Ч., — по дві сімї у хаті... На паливо скудно... Остальне, що дома зосталося, — все в колхоз перейшло, а в декого за долги забрали... Перші вислані були кулаки, другі й треті — зажиті, а далі і всім міста не буде... Зараз так життя склалось, що лучче, коли ніякої собственности немає... Сплошная колєктивізація...

Что делают оккупанты?

Перед нами Ростовские и Краснодарские газеты „Молот" и „Красное Знамя" за март.

Ниже помещаем ряд „вырезок", характеризующих „задачи" и „работы" московских большевиков в Казачьих Землях.

„Ольгинская партячейка и не думает перестраиваться"

Партийная работа в станице Ольгинской совершенно отсутствует. Старый секретарь партячейки тов. Хлебников почти никогда и не жил в станице: закроет на замок помещение, а сам уедет в Ростов и живет там по нескольку дней.

Отсутствием партийно-массовой работы об'ясняется и то, что станица коллективизирована только на 70 проц. План хлебозаготовок не выполнен, семфонд не собран, особенно в единоличном секторе. Зажиточные, принимаемые в колхоз, даже не вносят семматериал"

(М.)

„Цыфры бьют тревогу".

Из месяца в месяц работа станции Ростов не улучшается, наоборот становится хуже. Если февраль месяц давал возможность ссылаться на стихию, которая, по убеждению администрации, „создала пробку", то чем об'яснить безалаберную работу станции за первые 10 дней марта, когда „об'ективных" причин вроде снежного бурана и других — не было и в помине?

В первую декаду марта ни один измеритель не не выполнен. Так, коэффициент маневровой работы вместо заданных 11 выполнен всего лишь на 8,1.

Еще хуже с простоем крытых вагонов и цистерн.

Не лучше дело и с движением поездов. За первые 10 дней марта пассажирские поезда пошли по расписании на 36 проц., а товарные всего на 25 проц. Отправляющиеся из Ростова поезда задерживаются несвоевременной подачей паровозов из депо. Халатность дежурных за март увеличивается число происшествий.

За 10 дней марта было 17 происшествий, из которых только одно последнее, не считая убытка от пропавшего груза, обошлось дороге в 2792 руб.

Первая декада марта по Ростому бьет тревогу.

— Дальше так работать, значит в решающий месяц первого квартала очутиться на самом позорном месте.

(М.)

„Крымский район — отставший участок мобилизации семян".

Подготовка к севу в некоторых колхозах (Крымского района), в частности, в самой станице Крымской идет неудовлетворительно.

Семенами основных культур, решающих выполнение всего плана, район не обезпечен. Особенно скверно с огородными семенами. Так, семян помидор (85% общего плана огородничества) имеется только одна треть. Не хватает семян свеклы, моркови, лука, редиски. Семена сахарной кукурузы, ввозимые в район находятся где-то в пути. Между тем, эти культуры реша-

ют исход всего сева в районе. Не хватает 38 проц. семян картофеля. Совсем нет бобов. Они тоже где-то едут...

Короче — семенами основных культур район не обеспечен. На них есть только наряды, а подготовка парников уже началась.

В районе уже вспахано около 6.000 га. Пока вспашку и сев ведут исключительно колхозы и совхозы. Как готов к севу единоличник, есть ли у него семена, обеспеченность инвентарем, тяглом кормом, все это пока не учтено. Здесь самое уязвимое место в работе районных организаций, которые пока еще не наладили оперативности и нужной четкости в руководстве севом.

(М.)

На ростовском заводе с.-х. машин темпы по сборке машин падают.

Заканчивается первый квартал третьего решающего года пятилетки. В последние дни штурмвого месяца должна быть организована особенно настойчивая, особенно ударная работа по выпуску машин.

Этого на заводе еще нет.

22 марта собрано 53 сеялки, 22 плуга, 22 сцепа, 185 конных грабель.

Ни по одной машине дневное задание не выполнено. Остальные машины 22 марта не собирались.

23 марта темпы по сборне сеялок еще больше снизились. За день собрано только 41 сеялка, 32 плуга, 50 сцепов, 77 грабель.

Темпы — явно необепсечивающие выполнение задания.

С 1 января задание выполнено — по сеялкам на 43 проц., по боронам — на 77 проц., по плугам — на 76,5 проц., по сцепам — на 51,5 проц., по сенокосилкам — на 3,2 проц. и по сноповязалкам — на 0,97 процентов.

(М.)

Приморско-Ахтарскому рыбколхозу — боевое руководство.

Приморско-Ахтарский рыбколхоз как в осеннюю, так и в зимнюю путину вышел с большими прорывами в выполнении планов лова.

Осенний план недовыполнен на 45 проц., а зимний, судя по данным на 20 марта, также не будет выполнен.

Однако, рыбколхоз не извлек уроков из прошлых прорывов осенней и зимней путин. Партколлектив рыбколхоза не перестроил свою работу в соответствии с постановлением ЦК и Крайкома ВКП(б) о повороте лицом к колхозной массе и с большим опозданием стал готовиться к весенней путине.

Из 1.320 колхозников-рыбаков охвачено ударничеством и соцсоревнованием 800 человек, при чем учета об'ектов соревнования и ударничества — нет.

В рыбколхозе нет подлинной тревоги за подготовку организованного выхода в море.

Только 13 марта за 17 дней до весенней путины, организован штаб штурма из 12 человек.

Борьба с нарушителями труддисциплины, лжеударниками, засоренностью колхоза ведется слабо. Тысячи пудов рыбы расхищаются. Но борьбы с воровством и утечкой рыбы на сторону никто не ведет.

Массово-воспитательную работу среди вновь пришедшей в колхоз рыбацкой массы не ведут ни партийная, ни профессиональная организации.

Приморско-Ахтарский Рыбколхозсоюз крайне нуждается в коже, а Крайсоюз заслал 300 кож, занаряженных дли Приморско-Ахтарского рыбколхоза в Славянскую.

Документы на кожу лежат в рыбколхозе Приморско-Ахтарской, а кожа — в Славянской. Два месяца идут из Ростова в Приморско-Ахтарскую 375 пар сапог для рыбаков.

Партийцы, комсомольцы и красные партизаны колхоза, должны стать во главе ударничества и соцсоревнования, быть инициаторами и застрельщиками большевицких темпов работы, вести жесточайшую борьбу с кулацкой агитацией, с утерей и падением труддисциплины.

(М).

Розыски.

Донск. каз. Мирон Ив. Юрьев (Чертк. ст.) просит знакомых и станичников откликнуться по адресу: Pologne. Ziemi Gvodinska, poszta Bialowieża, ul. Stoczek № 71.

Дон. каз. Пант. Харит. Иларионов (ст. Усть-Быстрянской) ищет станичников и знакомых. Его адрес: Pologne. Wies Belska, stancia Hainovka, ul. Bocznica, № 79.

— Казаки! Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“. —

Открыта подписка на 1931 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnie č. 289.